

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор **Б.Г. ВЕБЕР**.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965–1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Французская историческая наука, историческая мысль на протяжении почти всего XIX в. занимала передовые позиции в развитии мировой исторической науки. Достаточно назвать имена ее крупнейших представителей: О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле, А. Токвиля, Фюстеля де Куланжа, оказавших такое большое влияние на мировую науку. Однако в 80–90-е годы стало заметно какое-то замедление в ее развитии. Правда, и здесь можно назвать значительные имена — А. Сореля, А. Олара, А. Вандаля, Э. Лависса, Ш. Сеньобоса и др., но все это представители чисто политической или дипломатической истории. «Удовлетворенная своими успехами, гордясь своими завоеваниями,— писал Люсьен Февр, один из самых страстных борцов за обновление французской истории в XX в.,— история как бы засыпала... Она остановилась в своем развитии. Она пересказывала, повторялась; она больше не творила... Возникло горькое чувство, что заниматься историей, читать исторические книги означает тратить время попусту»¹.

Вероятно, Люсьен Февр был чрезмерно резок в своих суждениях, но совершенно очевиден факт, что к концу столетия с разных сторон во французскую историческую науку врывались новые веяния, что споры об ее обновлении принимали ожесточенный характер. В 1894 г. появилась работа Поля Лакомба «Об истории как науке»². И Ж. Лефевр, и Э. Лабрусс — крупнейшие французские историки XX в.— совершенно единодушны в высокой

* В этой по необходимости краткой обзорной статье мы не имеем возможности остановиться на ряде существенных явлений и ограничиваемся только освещением некоторых тенденций развития исторической мысли во Франции XX в. в основном в связи с возникновением и эволюцией школы «Анналов».

¹ *Febvre L.* Les combats pour l'histoire. Paris, 1953, p. 24–25.

² *Lacombe P.* De l'histoire considérée comme science. Paris, 1894.

оценке этой книги³, подчеркивавшей необходимость поиска новых путей для превращения истории в подлинную науку. П. Лакомб явился активным единомышленником Анри Берра (1863—1954), создателя теории и движения за «исторический синтез»⁴. Именно А. Берру принадлежал ставший впоследствии широко распространенным иронический эпитет «историзирующая история» (*histoire historisante*), выдвинутый им в дискуссии с Л. Альфаном в 1911 г. против тех, кто, по его мнению, основной задачей истории считал собирание единичных, никогда не повторяющихся фактов. Философ по специальности, автор вышедшей еще в 1899 г. книги «Будущее философии. Эскиз синтеза понятия, основанного на истории»⁵, А. Берр с 1900 г. начал издание журнала «*Revue de synthèse historique*» и создал позднее Центр исторического синтеза. В той или иной мере в движении «за синтез» принимали участие Поль Лакомб, Анри Озе (*Hauser*), Франсуа Симиан, из более молодых историков — П. Манту, Люсьен Февр, позднее Марк Блок.

Именно на страницах «*Revue de synthèse*» в 1903 г. происходил резкий спор между тогда еще молодым социологом, впоследствии экономистом, оказавшим позднее

большое влияние на французскую историческую науку, Ф. Симианом⁶ и будущим историком промышленной революции в Англии П. Манту. Точку зрения Симиана Ж. Лефевр излагал так: «Он (Симиан. — В. Д.) предлагал свести историю к социологии и для этого отказаться от традиционных рамок хронологической истории, изучаемой по столетиям или по царствованиям, свести ее к изучению проблем и таким образом прийти к определению постоянно действующих факторов (*constantes*), не придавая большого значения событиям, фактам, которые происходят только один раз, рассказу, биографии»⁷. П. Манту в своей статье «История и социология» отстаивал необходимость сохранения описательной истории, хронологии, что вовсе не означает отрицания возможности выявления общих, характерных черт эпохи.

Этот спор между социологами и историками вокруг сохранения «событийной истории», как мы увидим, возобновился с еще большим ожесточением к середине XX в., и А. Берр, принадлежавший к числу его инициаторов, бесспорно повлиял на развитие французской исторической мысли. Философ, и притом философ-идеалист, Берр, не будучи историком, стремился по существу только к культурному синтезу, экономике он придавал второстепенное значение (как и глава французской социологической школы Эмиль Дюркгейм, о котором говорили, что он интересуется «всею, кроме экономики»). Не следует поэтому преувеличивать его роль, но Фернан Бродель был прав, когда утверждал, что между «*Revue de synthèse historique*» 1900 г. и «*Анналами*» 1929 г. — журналом, о котором нам придется еще много говорить, существовала определенная идейно-генеалогическая связь⁸.

С 1920 г. Анри Берр начал издание серии «Эволюция человечества» («*L'Évolution de l'humanité*»). До конца его жизни вышло 80 томов этой серии, каждый из которых он сопровождал своим предисловием⁹. Именно в этой се-

³ «Поль Лакомб, — писал о нем Э. Лабрусс, — философ, историк, социолог, подлинный классик, которого всегда читали, но все еще недостаточно оценили» (*Labrousse E. Le socialisme et la Révolution française.* — In: Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française. Paris, 1968, vol. 1, p. 15). Ж. Лефевр подчеркивал, что «книга Лакомба, преисполненная глубочайшими мыслями, должна быть в руках каждого, кто предан истории в нашей стране» (*Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française.* 2e éd. Paris, 1963, p. 28; см. также: *Idem. La naissance de l'historiographie moderne.* Paris, 1971, p. 302). «П. Лакомб — историк высшего класса», — характеризует его Ф. Бродель (*Braudel F. Ecrits sur l'histoire.* Paris, 1969, p. 75). Одним из предшественников Лакомба Ж. Лефевр считал известного французского математика Курно, автора вышедшей в 1872 г. книги «*Considérations sur la marche des idées et des événements*» (*Lefebvre G. La naissance de l'historiographie...*, p. 323).

⁴ Об Анри Берре и его роли в развитии французской исторической мысли см.: *Febvre L. Hommage à Henri Berr. De la Revue de synthèse aux Annales.* — In: *Febvre L. Les combats pour l'histoire; Braudel F. Personal Testimony.* — *Journal of Modern History*, Chicago, 1972, N 4; *Таран Л. Теория «исторического синтеза» Анри Берра.* — В кн.: Французский ежегодник, 1968. М., 1970; *Коп И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли.* М., 1955, гл. 8.

⁵ *Berr H. L'avenir de la philosophie. Esquisse d'une synthèse de connaissance, fondée sur l'histoire.* Paris, 1899.

⁶ *Simiand F. Méthode historique et science sociale. Etude critique d'après les ouvrages récents de M. Lacombe et de M. Seignobos.* — *Revue de synthèse historique*, 1903, p. 1—22, 129—157 (перепечатана в: *Annales*, 1960, N 1).

⁷ *Lefebvre G. La naissance de l'historiographie...*, p. 302.

⁸ *Braudel F. Ecrits sur l'histoire*, p. 55.

⁹ Они были им позднее изданы в двух томах: *Berr H. En marge de l'histoire universelle.* Paris, 1934—1953. Vol. I, II. О серии А. Берра Ж. Лефевр высказал довольно скептическое суждение. Он считал, что Берру совершенно не удалась задача осуществления

рии Люсьен Февр опубликовал в 1922 г. свою известную книгу «Земля и эволюция человечества. Географическое введение в историю»¹⁰, а Марк Блок — уже позднее, в 30-х годах, — два тома своего ценного труда «Феодалное общество».

На развитие французской исторической мысли известное влияние оказывала и социологическая школа Эмиля Дюркгейма, издававшего с 1897 г. «*Année sociologique*», в котором задаче изучения «единичного, неповторяющегося факта» противопоставлялось как раз стремление к изучению социальных детерминант, определяющих все общественное развитие. К школе Дюркгейма примыкали выдающиеся социологи, экономисты, лингвисты, такие, как Мосс, тот же Симьян, Гальбвакс, Мейе, Соссюр, Леви-Брюль и др. Влияние Дюркгейма испытал на себе в молодые годы выдающийся историк французской революции Альбер Матъез, что отразилось в его докторской диссертации о «Теофилаптропии»¹¹, хотя позднее Матъез совершенно уничтожительно отзывался о роли социологии.

Л. Февр, Ф. Бродель, П. Вилар единодушно подчеркивают влияние, оказанное на «обновление» французской исторической науки такими виднейшими представителями географии, как Видадь де Лаблаш, и более молодыми блестящими географами — Альбером Деманжоном, уже в 1905 г. издавшим свой прекрасный труд о Пикардии, и Жюлем Сионом, автором «Крестьян Нормандии».

Было бы, однако, совершенно неправильным не видеть и недооценивать другие факторы, вызвавшие поворот в развитии исторической науки во Франции. Их очень точно и правильно определил виднейший французский историк первой половины XX в. Жорж Лефевр: «Развитие капитализма, с одной стороны, социальная критика — с другой, а в особенности деятельность Маркса привели к тому, то историки должны были уделить экономическим и со-

циальным явлениям то внимание, о котором они раньше особенно не заботились»¹².

Во французскую историографию стало просачиваться влияние марксизма, и прежде всего в этом направлении подействовал четырехтомник Жана Жореса (хотя он и не был последовательным марксистом) «Социалистическая история французской революции», начавшая выходить в 1900 г. Об этом чрезвычайно тепло и искренне сказал Люсьен Февр в 1953 г. в предисловии к своему сборнику «Битвы за историю». Перечисляя своих первых учителей Э. Реклю, Я. Бургкардта, Стендаля, он напомнил о «социалистической истории Жана Жореса, преисполненной экономической и социальной интуицией». В другой своей статье в том же сборнике Февр указывал, что «экономический аспект истории» был впервые раскрыт для него Жоресом в его «Социалистической истории», которую он «в 20 лет поглощал со всей страстью»¹³.

Жорж Лефевр еще более настойчиво подчеркивал огромное влияние, оказанное на него «Социалистической историей» Жореса: «Я видел и слышал Жореса, — писал он в своей историографической заметке «*Pro domo sua*», — всего один или два раза, затерявшись в толпе. Но, если захотят узнать, что мой учитель, я укажу только его одного»¹⁴. Когда по инициативе Жореса была создана комиссия для собирания материалов по экономической истории революции, Жорж Лефевр (тогда еще преподаватель лицей в Лилле) стал одним из корреспондентов этой комиссии и в этом качестве еще в 1914 г. издал сборник документов о продовольственной политике в департаменте Берг. Жорес и известный русский исследователь аграрных отношений во Франции XVIII в. И. В. Лучицкий, по собственному признанию Лефевра, дали ему толчок к выбору темы его докторской диссертации «Крестьяне Севера во время революции», опубликованной им только в 1924 г., после почти 20-летних изысканий. Кстати сказать, тем представителям французской историографии, которые считают, что «подлинная» историческая наука возникла во Франции только в 1929—1932 гг., когда началось применение мате-

«всеобщего исторического синтеза»: «Каждый том сам по себе характеризует период, страну, стремится определить основные черты. Но это только частичный синтез: сравнение между периодами, между странами полностью не проведено, и нет единой идеи всеобщей эволюции человечества» (*Lefebvre G. La naissance de l'historiographie...*, p. 303).

¹⁰ *Febvre L. La terre et l'évolution humaine: Introduction géographique à l'histoire.* Paris, 1922.

¹¹ *Mathiez A. La Théophilantropie et le culte décadaire.* Paris, 1904.

¹² *Lefebvre G. Avenir de l'histoire.* — In: *Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française.* 2e éd. Paris, 1963, p. 26.

¹³ *Febvre L. Les combats pour l'histoire,* p. VI, 345.

¹⁴ *Lefebvre G. Pro domo sua.* — *Annales historiques de la Révolution française* (далее — AHRF), 1947, p. 189.

матических методов, следовало бы не забывать, что инициатором применения этих методов, задолго до «новой», американской школы, были именно И. В. Лучицкий и Жорж Лефевр. Конечно, в их распоряжении не было еще электронных вычислительных машин, но умению «считать» при разработке аграрной истории Франции XVIII в. первыми учили именно они.

Так же высоко оценил значение труда Жореса бывший бакунист, ставший крупным знатоком истории Французской революции, Джемс Гильом¹⁵.

Наконец, можно не сомневаться, что талантливейший историк Французской революции в первой трети XX в., Альбер Матъез испытал сильнейшее влияние Жореса. Конечно, переход Матъеза от изучения чисто политической и религиозной истории революции к ее социальной и экономической истории был связан со всей обстановкой, переходом Матъеза на социалистические позиции и, наконец, войной. Но во всем этом сложном процессе влияние Жореса неоспоримо, и недаром в начале 20-х годов, в лучший период своей деятельности, Матъез с величайшим пиететом осуществил переиздание труда Жореса¹⁶.

Конечно, в том переломе, который произошел во французской исторической науке к 30-м годам нашего века, сыграли роль и объективные условия, и сдвиги в развитии естественных наук, особенно физики, и такие субъективные факторы, как влияние «исторического синтеза» Анри Берра, социологической школы Дюркгейма и его единомышленников, идеи Видаля де Лаблаша, и все же, как нам представляется, роль — прямая или косвенная — марксизма, передавшаяся через «Социалистическую историю» Жореса, никак не может быть преуменьшена. «История революции» Жореса и «Крестьяне Севера...» Жоржа Лефевра — вот важнейшие вехи в развитии французской исторической науки первой четверти нашего века. Знаменным временем и происходящих перемен было и то, что в 1927 г. Альбер Матъез опубликовал свою лучшую экономико-социальную работу «Дороговизна и социальное движение во время террора» и что в 1929 г. в Страсбурге

появились первые номера журнала «Annales de l'histoire économique et sociale» под редакцией Люсьена Февра и Марка Блока, сыгравшего значительную роль в эволюции французской историографии.

II

В 30-е годы господству чисто политической истории начал приходить конец. Правда, на «командных» постах в той же Сорбонне оставались представители «традиционного» направления — и нам лично в начале 1930 г. привелось увидеть на кафедре Шарля Сеньобоса, с которым еще в 1903 г. полемизировал Франсуа Симпан, — увидеть, но не услышать, так как Сеньобос стал жертвой «chahut» (кошачьего концерта) со стороны реакционной части студенчества. Но именно в 30-х годах изменения сказались очень явственно. В полемике с Раймоном Ароном видный французский историк-марксист Пьер Вилар так охарактеризовал положение к 1938 г., когда он был еще студентом: «Наши авторитеты носили имена Глотца и Лота, Альбера Матъеза и Анри Озе. На нас все еще оказывали мощное влияние Видаль де Лаблаш и его ученики, мы питали почтение к замечательным диссертациям Сиона и Демажона, Люсьена Февра и Поля Манту. Деятельность Марка Блока была в зените. Только 15 лет назад появились „Крестьяне Севера...“ и всего лишь 5 лет как появился „Очерк истории цен и доходов во Франции в XVIII веке“ Эрнеста Лабрусса...»¹⁷

Великая Октябрьская революция, широкое распространение влияния марксизма, огромные социально-экономические сдвиги в послевоенном мире, та роль, которую так явственно играла экономика и в ходе первой мировой войны и после нее, наконец, мировой экономический кризис, захвативший и Францию позже других — в начале 30-х годов, не могли не сломить традиционно пренебрежительное отношение французских историков к изучению экономической истории. Правда, в Сорбонне и раньше существовала кафедра экономической истории, и ею руководил выдающийся ученый Анри Озе. Но, как вспоминает Фернан Бродель, слушавший в 20-х годах курс Озе,

¹⁵ Далин В. М. Бакунист в двадцатом столетии. — В кн.: Французский ежегодник, 1971. М., 1973, с. 160.

¹⁶ Лукин Н. М. Избр. труды. М., 1960, т. 1, с. 159—178. Об отношении Матъеза к Жоресу см.: Soboul A. Jaurès, Mathiez et l'histoire de la révolution. — ANRF, 1979.

¹⁷ Vilar P. Marxisme et l'histoire dans le développement des sciences humaines. — Studi storici, 1960, N 5, p. 1014, 1017.

в аудитории бывало не больше 6—7 студентов¹⁸. Однако в 30-х годах положение резко изменилось: экономическая история, столь долго остававшаяся во Франции в тени, властно выступила вперед. Этот сдвиг связан прежде всего с двумя именами — уже упоминавшимися нами Франсуа Симианом и Эрнестом Лабруссом.

Симиан, в молодости очень сочувствовавший социалистическим идеям, близкий к Люсьену Герру¹⁹ и Леону Блюму, был не только социологом, но и экономистом. Еще в 1924 г. им была опубликована работа «Заработная плата, социальная эволюция монеты»²⁰. Но на французских историков 30-х годов наибольшее влияние в условиях начавшегося экономического кризиса произвели две работы Симиана, вышедшие в 1932 г. и связанные с изучением экономической конъюнктуры: «Старые и новые исследования движения цен с XVI по XX в.» и «Экономические колебания в течение длительного периода и мировой кризис»²¹. Изучая изменения конъюнктуры начиная с XVI в., Симиан на основании анализа данных о колебаниях цен пришел к выводу о наличии в экономическом развитии двух постоянно сменяющихся фаз: фазы А, когда цены поднимаются и общая экономическая конъюнктура становится благоприятной, и фазы Б, когда вследствие чрезмерного повышения цен спрос сокращается, начинается падение цен и происходит резкое ухудшение конъюнктуры. Эти сменяющие друг друга фазы продолжают иногда по нескольку десятилетий и сопровождаются еще и промежуточными периодами (intercycles). Мы не будем здесь вдаваться в критику взглядов Симиана — они явно связаны с великим экономическим кризисом 1929 г. и совершенно закономерно перенесли на ранние стадии далеко еще не развитого капитализма. Но в свете экономических явлений 30-х годов можно понять, почему эта

¹⁸ «Потрясающий эрудит, поразительный профессор, замечательный писатель, он был всю свою жизнь во Франции — и, возможно, и вне Франции — историком, не имевшим себе равных. Только Анри Пирени обладал таким же блеском, а после него Марк Блок, Люсьен Февр» (*Braudel F. Préface.* — In: Hauser H. *La modernité du XVI siècle.* Paris, 1963).

¹⁹ См. о нем нашу статью «После раскола дрейфусаров» в кн.: *Далин В. М. Люди и идеи.* М., 1970.

²⁰ *Simiand F. Le salaire, l'évolution sociale de la monnaie.* Paris, 1924.

²¹ *Simiand F. Recherches anciennes et nouvelles sur le mouvement général des prix du XVI au XX siècle.* Paris, 1932; *Idem.* *Les fluctuations économiques à longue période et crise mondiale.*

схема Ф. Симиана получила такое широкое распространение и почему на протяжении целых десятилетий французские историки заняты были изучением цен и определением хронологических рамок фаз А и Б в изучаемые ими периоды²².

Еще более глубокое влияние оказали вышедшие в 30-х годах во Франции две монографии Эрнеста Лабрусса. На Лабрусса произвела огромное и неизгладимое впечатление Октябрьская революция²³. В молодости он был секретарем коммунистической студенческой федерации, затем в течение нескольких лет одним из редакторов «*Humanité*». Ученик Альбера Матьева, он стал членом руководящего комитета Общества робеспьеристских исследова-

²² О современных спорах по поводу значения Симиана см.: *Lévy-Laboyer M. L'héritage de Simiand.* — *Revue historique*, 1970, janvier—mars; и ответ ему: *Bouvier J. Feu François Simiand?* — *Annales*, 1973, N 3.

²³ См.: *Лабрусс Э.* Как французская революция блестяще объясняет и оправдывает героическую историю русской революции. — В кн.: *Французский ежегодник*, 1971, с. 305—315 (публикация С. Н. Гурвич).

ний. Но его подход к изучению истории революции оказался иным, чем у Матьева, — Лабрусс заинтересовали экономические предпосылки революции. Идя по этому пути, Лабрусс глубоко занялся вопросами истории экономической конъюнктуры, и в результате этого опубликовал в 1933 г. двухтомный труд, оставивший глубокий след, — «Очерк движения цен и доходов во Франции в XVIII в.»²⁴, о котором мы уже упоминали.

И Симиан, и Лабрусс в особенности при изучении движения цен применили статистически-математические методы обработки полученных данных. Вот почему некоторые новейшие исследователи, как Пьер Шоню и Эммануэль Леруа-Ладюри, — нам еще придется подробно о них говорить — датируют появление во Франции «подлинно научной» математизированной истории 1932—1933 гг., — годами появления трудов Симиана и Лабрусса²⁵. П. Вилар, однако, совершенно правильно подметил глубокое методологическое расхождение этих двух авторов: «Симиан исключал „событие“ (événement) вместо того, чтобы попытаться включить его в общую ткань истории». Между тем у Лабрусса «движение цен оставалось, как и у Симиана, основой. Но оно было подчинено общей экономической динамике классового антагонизма»²⁶.

Еще большее значение имел второй труд Э. Лабрусса, опубликованный им в 1943 г. (и защищенный как докторская диссертация в 1944 г.) «Кризис французской экономики к концу Старого порядка и в начале революции»²⁷. Этот первый, чрезвычайно объемистый том был посвящен только виноградарству и виноделию. Предполагался выход последующих томов, но они не появились. Но и этот первый и единственный том произвел глубокое впечатление. Фернан Бродель назвал эту книгу «самым значительным (le plus grand) трудом по истории, появившимся во

Франции за последние 25 лет...»²⁸. После опубликования этих двух трудов Лабрусс стал общепризнанным авторитетом в области экономической истории Франции. Когда Сорбонна вернулась к нормальной жизни после дикой, бесчеловечной казни гитлеровцами в 1944 г. Марка Блока, руководившего кафедрой экономической истории с 1936 г. (после кончины А. Озе), во главе кафедры, естественно, стал Э. Лабрусс²⁹.

Мы, однако, несколько ушли вперед. Понять новые процессы в развитии французской историографии 30-х годов невозможно без освещения той роли, которую сыграли в этом Люсьен Февр и Марк Блок, создавшие, как уже отмечалось, в 1929 г. журнал «Annales d'histoire économique et sociale», возглавившие по существу целое направление, создавшие школу³⁰.

И Февр, и Блок были поразительно талантливыми, яркими, одаренными историками. Их сотрудничество, длившееся десятилетиями, было исключительно плодотворным несмотря на то, что многое — и прежде всего направление научных интересов — их разделяло.

Люсьен Февр (1878—1956) принадлежал к более раннему поколению. Хотя, как мы уже видели, Февр уже после окончания Высшей нормальной школы заинтересовался взглядами Анри Берра и стал в известной мере его единомышленником, его докторская диссертация «Филипп II и Франш-Конте», при всех ее высоких научных качествах, и по теме и по ее разработке носила все же скорее традиционный характер³¹. Сильно влияла на Февра географическая школа Видаля де Лаблаша, из которой вышли его близкие личные друзья, крупнейшие французские географы XX в. Альбер Деманжон и Жюль Сион.

²⁸ Braudel F. *Ecrits sur l'histoire*, p. 49.

²⁹ Исследованиям Ф. Симиана и первому труду Лабрусса посвятил в 1937 г. пространную статью Ж. Лефевр. См.: *Lefebvre G. Le mouvement des prix et les origines de la révolution française* (перепечатана в кн.: *Lefebvre G. Etudes sur la révolution française*).

³⁰ Мы никак не можем согласиться с Ж. Ле Гоффом, отрицавшим существование школы «Анналов» вопреки неоднократным высказываниям Л. Февра и Ф. Броделя (см.: *Le Goфф Ж. Существовала ли французская историческая школа «Annales»?* — В кн.: *Французский ежегодник*, 1969. М., 1970).

³¹ *Febvre L. Philippe II et la Franche-Comté*. Paris, 1911. Франш-Конте посвящены и две другие книги Февра: *Idem. Notes et documents sur la Réforme et l'Inquisition en Franche-Comté* Paris, 1911; *Idem Histoire de Franche-Comté*, Paris, 1912.

²⁴ *Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII siècle*. Paris, 1933. Vol. I, II.

²⁵ «История, объединяющая наука о человеке нашего времени, родилась между 1929 и началом 30-х годов» (*Chaunu P. Dépassément et prospective*. — In: *Faire l'histoire*. Paris, 1974, vol. II, p. 52—53); см. также: *Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien*. Paris, 1973, p. 15 («...C'est vers 1932, avec les grands livres de Simiand et de Labrousse que l'usage systématique de la quantité à pris force de loi chez les historiens»).

²⁶ *Vilar P. Op. cit.*, p. 1017—1018.

²⁷ *Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien régime et au début de la révolution*. Paris, 1943.

о высокой научной эрудиции Л. Февра, о его таланте исследователя. Заметим, что у Февра не было никаких специальных исследований по экономической истории.

Совершенно противоположное нужно сказать о Марке Блоке (1886—1944). Сын виднейшего специалиста по римской истории Гюстава Блока, преподававшего в Высшей нормальной школе (у него учился Л. Февр, посещавший квартиру Блоков, когда будущий его друг был еще подростком), он получил блестящую научную подготовку, овладел невероятным количеством языков (в том числе русским, древнескандинавским, старонемецким), отличался изумительным трудолюбием. Как и Февр, Марк Блок был во время первой мировой войны в армии, окончил ее в чине капитана и был неоднократно награжден за свои боевые заслуги. Его первые работы были посвящены капитингской Франции, а наиболее выдающаяся из них — «Короли — чудотворцы»³⁵, привлекающая к себе общее внимание, свидетельствовала скорее об интересе к проблемам коллективной психологии. Однако к середине 20-х годов Блок сосредоточивает все свое внимание на изучении средневековой аграрной истории (в этом, может быть, сказалось влияние А. Пиренна) и притом не только французской, но и европейской. В 1931 г. в Осло Блок ведет курс сравнительной аграрной истории. К этому времени он издает один из своих блестящих трудов — «Характерные черты французской аграрной истории»³⁶, прочно закрепивший за ним славу крупнейшего экономического историка Франции³⁷.

В 1939—1940 гг., как уже отмечалось, в той же серии А. Берра были опубликованы два тома другого его крупнейшего труда — «Феодалное общество»³⁸, «самая значительная историческая книга нашего века», как определил ее известный французский историк Поль Вейн (автор нашумевшей книги «Как пишут историю»)³⁹. Как видим, почти все труды Блока (в отличие от Л. Февра) посвящены исключительно экономической или даже уже — аграрной истории. И все же, несмотря на все это как будто

Наиболее значительным трудом Февра в первый период его научной деятельности была уже упоминавшаяся нами книга «Земля и эволюция человечества», носившая подзаголовок «Географическое введение к истории». Но чем дальше, тем больше интересы Февра сосредоточивались на изучении идейной, культурной истории XVI в. Этому веку посвящена одна из лучших его работ о Мартине Лютере, изданная в 1928 г.³² В годы войны Февр опубликовал целый цикл работ, посвященных проблемам излюбленного им века, в том числе его наиболее интересное исследование о Рабле: «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле»³³. Книга эта вызвала оживленнейшие споры (очень основательные возражения против точки зрения Февра сделал выдающийся советский исследователь М. М. Бахтин³⁴), но она больше других свидетельствовала

³² *Febvre L.* Un destin. Martin Luther. Paris, 1928.

³³ *Febvre L.* Le problème de l'incroyance au XVI siècle: la religion de Rabelais. Paris, 1942; см. также: *Idem.* Origène et des Périers ou l'énigme du Cymbalum Mundi. Paris, 1942; *Idem.* Autour d'Heptameron: amour sacré, amour profané. Paris, 1944.

³⁴ *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

³⁵ *Bloch M.* Les rois thaumaturges. Paris, 1924.

³⁶ *Bloch M.* Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Paris, 1931.

³⁷ *Braudel F.* Personal Testimony, p. 463 («the greatest economic historian of his country»).

³⁸ *Bloch M.* La société féodale. Paris, 1939—1940. Vol. I, II.

³⁹ *Veyne P.* Comment on écrit l'histoire. Paris, 1971.

Порой, возможно, будете читать с удовольствием. И все это свяжет нас еще крепче»⁴⁰. Эти теплые строки полностью совпадают с тем, что написал позднее Л. Февр о своих отношениях с Марком Блоком⁴¹.

Знакомство Февра и Блока состоялось в 1919 г. в Страсбурге, куда они оба были направлены после окончания первой мировой войны. После воссоединения Эльзаса с Францией правительством были приняты все меры для превращения его в блестящий очаг французской культуры. В Страсбургском университете были сосредоточены крупнейшие ученые: кроме Февра и Блока здесь начали преподавать Жорж Лефевр, Шарль Андлер, Андре Пиганиоль, Габриэль де Бра и др. Несмотря на различие в возрасте Блок и Февр быстро сблизились. Вскоре после окончания войны у Февра — прекрасного организатора — возник план издания международного журнала, посвященного экономической истории. Редактором он намечал А. Пиренна, к которому питал огромное уважение⁴², а секретарем собирался стать сам. Проект этот не осуществился, но в 1928 г. М. Блок снова его выдвинул, предложив, однако, издавать чисто французский журнал. Первые его номера и вышли в Страсбурге в 1929 г. — это и были «Анналы». Нам довелось тогда же знакомиться с первыми книгами журнала, и они производили большое впечатление своей убежденностью и свежестью подхода.

«Совершенно очевидно, что в развитии французской историографии, — писал Ф. Бродель, — создание в 1929 г. Люсьеном Февром и Марком Блоком „Анналов“ было решающим моментом»⁴³. В этих словах виднейшего французского историка, принявшего от Л. Февра в 1956 г. руководство «Анналами», есть, как нам представляется, безусловное преувеличение: «новый дух» — и мы стремились это показать — шел во французскую историческую науку далеко не от одних «Анналов» (да и их создатели сами признавали, что впитывали в себя другие влияния), но

бы очевидное различие интересов, между этими двумя исключительно талантливыми и яркими учеными на протяжении долгих лет установилось поразительно дружеское сотрудничество.

В посвящении Л. Февру к написанной в 1941 г. после катастрофы Франции книге «Апология истории или ремесло историка» (напечатанной уже посмертно после окончания войны) М. Блок писал: «Долгое время мы вместе боролись за то, чтобы история была более широкой и гуманной. Теперь, когда я это пишу, общее наше дело подвергается многим опасностям. Не по нашей вине. Мы — временно побежденные несправедливой судьбой. Все же, я уверен, настанет день, когда наше сотрудничество сможет возобновиться... А пока я со своей стороны буду продолжать его на этих страницах, где все полно вами. Я постараюсь сохранить присущий ему строй — в глубине согласие, оживляемое на поверхности поучительной игрой наших дружеских споров. Среди идей, которые я намерен отстаивать, не одна идет прямо от вас. О многих других я и сам, по совести, не знаю, ваши они или мои или же принадлежат нам обоим. Надеюсь, что многое вы одобрите.

⁴⁰ Bloch M. L'Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris, 1942; 2e éd., 1961 (рус. пер.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973, с. 5).

⁴¹ Febvre L. Souvenirs d'une grande histoire. March Bloch et Strasbourg. — In: Febvre L. Les combats pour l'histoire.

⁴² Как раз в 20-х годах вышли интереснейшие работы А. Пиренна: Pirenne H. Mahomet et Charlemagne. Bruxelles, 1922; Idem. Les villes du moyen âge. Bruxelles, 1927 (рус. пер.: Пиренн А. Средневековые города/Под ред. Е. А. Косминского. М., 1937).

⁴³ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 32.

отрицать значительную роль «Анналов» никак не приходится.

Мы не имеем здесь возможности изложить все новые идеи, которые отстаивал журнал ⁴⁴. Люди высокой, рафинированной культуры, Февр и Блок напряженно следили за бурным развитием естественных наук в XX в. и страстно хотели видеть его отражение и в исторической науке, добиваясь изучения более глубинных процессов, не единичных, не кратковременных, не лежащих на поверхности, не «пены истории», а ее основных пластов. Название журнала — «Анналы экономической и социальной истории» было совершенно не случайным — прежде всего и раньше всего «Анналы» страстно звали к изучению именно экономической и социальной истории.

На упреки в «историческом материализме», на то, что его сторонники всегда стремятся при рассмотрении международных конфликтов придать большую роль экономическим факторам в ущерб политическим и моральным, Л. Февр в своей статье-рецензии на вышедшую в 1930 г. «Дипломатическую историю Европы (1871—1914)» со всей резкостью отвечал: «Причем тут „исторический материализм“?.. Мир это мир. Ответьте нам: перед войной 1914 г. мир не был таким, каким он стал после 1920 г. ... Но он уже от 1871 до 1914 г. не был таким, каким он был в 1848 г. Почему? Из-за политических факторов? Или моральных? О нет! По экономическим причинам. Это ведь бросается в глаза (*cela saève aux yeux*)» ⁴⁵. Критикуя другого автора дипломатической истории, А. Рубо, Л. Февр писал: «Изображать факты без указания на подлинные причины, глубокие мировые причины... я хочу сказать, на великие революции в промышленной технике, порожденные великими революциями в научной технике, вызывающие великие революции в мировой экономике, не значит ли это биться об заклад и идти на верную неудачу»; «...главные двигатели этого мира носят название капиталов, кредита, организации торговли и обмена...» ⁴⁶; «Разве не под давлением экономических интересов все больше и больше мир опре-

деляет свою позицию, а державы ведут свою игру... Скрытое, но постоянное давление экономики на политику... является одним из решающих факторов, определяющих поведение государств» ⁴⁷. Так же резко критиковал Февр «Историю России», изданную в Париже П. Н. Милюковым в сотрудничестве все с тем же Ш. Сеньбосом, за его концепцию этой книги, в которой «экономика» рассматривалась после «общества». Но это, по мнению Февра, «сразу обрекает „Историю России“ на то, что она становится мертворожденной» ⁴⁸.

Мы привели эти очень яркие высказывания Л. Февра именно потому, что он не был автором специальных экономических исследований в отличие от Марка Блока, все огромное литературное наследие которого (за первое десятилетие существования «Анналов» он опубликовал, кроме двух капитальных трудов, навсегда оставшихся в мировой литературе, около 700 статей, рецензий и заметок ⁴⁹) было почти целиком посвящено проблемам экономической истории.

Руководители «Анналов» призывали к обновлению истории, значительному расширению ее проблематики, изучению глубоких структурных исторических процессов, истории хозяйства, техники, орудий труда (Люсьен Февр издевался над теми историками, по произведениям которых создавалось впечатление, что землю пахут картуляриями). Их глубоко тревожило резкое несоответствие между огромными успехами точных наук и отстававшим историей. Они были сторонниками расширения коллективных форм труда историков. О том направлении науки, которое они отстаивали, можно судить по программе, предложенной ими в 1936 г. предстоявшему в 1938 г. в Цюрихе международному историческому конгрессу:

1. Описание сельских земель и аграрных порядков.
2. Дворянство, его возникновение, дифференциация и становление как класса на средневековом Западе.
3. Развитие техники в Европе до появления научной техники. Влияние материальных изобретений, а в более

⁴⁴ См. содержательную статью А. Я. Гуревича «Марк Блок и „Апология истории“» (послесловие к русскому переводу книги Блока «Апология истории», с. 170—209).

⁴⁵ *Febvre L. Contre l'histoire diplomatique en soi. Histoire ou politique. Deux méditations.* — In: *Febvre L. Les combats pour l'histoire*, p. 68—69

⁴⁶ *Ibid.*, p. 67.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 62.

⁴⁸ *Febvre L. Pour la synthèse historique contre l'histoire-tableau. Une histoire de la Russie moderne. Politique d'abord?* — *Ibid.*, p. 74.

⁴⁹ *Bloch M. Mélanges historiques.* Paris, 1963. Vol. I, II. Библиография трудов Блока составляет 72 страницы (1032—1104) убогистого мелкого прифта.

широком плане совокупности всей техники на историю общества.

4. Изменение соотношения размеров домена и держаний в ходе эволюции сеньориального режима.

5. Классификация различных социальных форм, понимаемых под словом „ремесленные корпорации“⁵⁰.

В этой программе явно чувствуется влияние М. Блока, который, по мнению виднейшего советского медиевиста М. А. Барга, ближе всех подошел к материалистическому пониманию сущности феодальных форм⁵¹.

Ж. Ле Гофф считает, что, помимо этой проблематики, у основателей «Анналов» была еще «жажда» исследования тем, которые М. Блок называл «наши заповедные уголья — история чувств и образа мышления эпох». Более того, по мнению Ле Гоффа, «самое любопытное, что Марк Блок и Люсьен Февр явно пытались сделать эту область, этот пласт самым глубоким, все раскрывающим, подлинной причиной и объяснением истории, сутью истории»⁵². Думается, что это утверждение Ж. Ле Гоффа относится скорее к некоторым из нынешних руководителей «Анналов», но не к их основателям.

Но у М. Блока действительно можно найти некоторые положения, идущие вразрез с той концепцией, которая развита в других его трудах. В статье, опубликованной в 1933 г., «Свобода и личное закрепощение в средние века, в частности во Франции. К вопросу об изучении классов» Блок писал: «Поскольку человеческие учреждения являются действительностью *психологического порядка*, *класс существует только в идее, которую о нем создают* (курсив наш. — В. Д.) (*une classe n'existe jamais que par l'idée qu'on s'en fait*)»⁵³. В годы войны в своей «Апологии истории» М. Блок утверждал в еще более общей форме: «Исторические факты — это факты психологические по преимуществу. Стало быть, их antecedентами, как правило, являются другие психологические факты. Конечно, судьбы людей включены в мир физический и несут его бремя. Но

даже там, где вмешательство этих внешних сил кажется наиболее грубым, их действие осуществляется только как направленное человеком и его разумом. Вирус «черной чумы» был первопричиной уменьшения населения в Европе. Но эпидемия распространилась так быстро лишь благодаря определенным социальным, а значит, по их глубинному характеру, психологическим условиям, и ее моральные следствия могут быть объяснены только особым предрасположением коллективного образа чувств»⁵⁴.

Эту точку зрения разделял, по-видимому, и Л. Февр⁵⁵, и это показывает, насколько в ряде основных вопросов концепция основателей «Анналов» уязвима и требует серьезной критики. В этой связи очень интересны замечания М. Блока и Л. Февра об их отношении к Марксу и марксизму. «Вы не знаете, вероятно, „Капитала“, — писал Блок Февру 25 августа 1941 г. (к этому месту Февр сделал примечание „я умру, не узнав его“). — Опыт для историка очень поучительный»⁵⁶. В другой своей книге, изданной уже посмертно, — «Странное поражение» Блок более подробно объяснил, в чем он видел эту «поучительность»: «Я лично отношусь к творчеству Карла Маркса с живейшим восхищением. В области социального анализа не было никого сильнее его (*comme analyste social nul n'eut plus de puissance*). С присущей Блоку тонкой иронией он добавил к этой характеристике: «Если когда-либо... сторонники обновленной истории решат создать галерею своих предшественников, бюст бородатого старого рейнского пророка должен занять почетное место в часовне этой корпорации»⁵⁷.

⁵⁴ Блок М. Указ. соч., с. 104. Критику этих положений см. в послесловии А. Я. Гуревича (Там же, с. 207—208).

⁵⁵ В ранних работах Февра можно найти формулировки, почти идентичные приведенным выше мыслям М. Блока. Во вступительной лекции в Страсбурге (1919) он заявил: «В этом смысле наша история идеалистическая, и она ею останется, даже если совершенно неожиданно будет доказан примат экономики, потому что экономические факты, как и другие социальные факты, являются фактами веры и суждения (*d'opinion*); само богатство, и труд, и деньги — разве не являются они вовсе не „вещами“, а человеческими идеями, представлениями, суждениями о „вещах“» (цит. по: *Mann H.-D. Lucien Febvre. La pensée vivante d'un historien. Paris, 1971, p. 90*). Правда, это суждение раннего Февра, еще до создания «Анналов».

⁵⁶ *Annales d'histoire sociale. Hommages à Marc Bloch. Paris, 1945, p. 25.*

⁵⁷ *Bloch M. L'étrange défaite. Paris, 1946, p. 170.*

⁵⁰ *Annales, 1936, p. 44—48*; см. также: *Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 356.*

⁵¹ *Барг М. А. Концепция феодализма в современной буржуазной историографии. — Вопросы истории, 1965, № 88.*

⁵² *Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 356.*

⁵³ *Bloch M. Liberté et servitude personnelles au Moyen age, particulièrement en France. Contribution à une étude des classes. — In: Bloch M. Mélanges historiques, vol. I, p. 355.*

Люсьен Февр выразил свое отношение к Марксу и марксизму в 1935 г., в момент подъема Народного фронта, в рецензии на сборник «При свете марксизма», вышедший под редакцией его личного друга психолога Анри Валлона: «Совершенно очевидно, что сейчас каждый сколько-нибудь образованный историк... неизбежно проникнут марксистским образом мышления, пониманием фактов... Даже если он не прочел ни одной строки Маркса, даже если он считает себя самым яростным „антимарксистом“... многие из идей, выраженных Марксом с таким мастерством, уже давно вошли в тот общий фонд, который составляет интеллектуальное сокровище целого поколения»⁵⁸.

Решительный враг гитлеризма, Л. Февр писал в 1936 г.: «Смерть марксизму!» — этот лозунг гитлеровцев, провозглашаемый и повторяемый повсюду в Германии, свидетельствует по меньшей мере о том, что Маркс, тот Маркс, о котором нам каждый день твердят, будто его не существует более, — один из тех неумирающих людей, которых стараются убить или, вернее, создать иллюзию, что их убили»⁵⁹.

Вместе с тем Маркс представлялся Февру только философом. В той же рецензии на сборник «При свете марксизма» он писал: «Читайте Маркса, охотно сказал бы я кое-кому, кто обладает качествами, знаниями и подготовкой, необходимыми для этого, для постижения его сложной мысли. Читайте также Ленина и тех, кто продолжил усилия Маркса в разрешении ряда трудных и решающих проблем. По своему усмотрению собирайте мед со всех этих цветов. Вам мед, но не наш. И дайте вкусить его нам — историкам, нам, тем, кто не создан для этого труда, иначе мы занимались бы философскими, а не историческими исследованиями. Мы не историки философии... Вы утверждаете, что знаете методы, которые лучше, чем прежние. Раскройте их нам. Объясните их нам ясно, просто, без философских формул, без неперенных ссылок на Гегеля, Маркса, Энгельса. Говорите конкретно с конкретными тружениками»⁶⁰.

Эти оговорки, это совершенно недостаточное знакомство с Марксом играли, несомненно, весьма отрицательную

⁵⁸ *Febvre L. Technique, science et marxisme. — Annales, 1935* (непечатано в кн.: *Febvre L. Pour une histoire à part entière. Paris, 1962, p. 674*).

⁵⁹ *Annales, 1936, p. 507*.

⁶⁰ *Febvre L. Technique, science et marxisme, p. 674*.

роль. И все же в целом «Анналам» первого десятилетия принадлежит значительная положительная роль в развитии французской исторической науки в 30-х годах. Не следует лишь забывать, что этот поворот был вызван не одними «Анналами». Сказывался и общий прогресс науки, и «рывок» в физике, и политическая обстановка, ненависть к фашизму, создание Народного фронта, возрастающее влияние марксизма. И, пожалуй, наиболее ясное выражение все это получило в научном творчестве крупнейшего французского историка этого периода Жоржа Лефевра (1874—1959). Хотя почти все его труды без исключения посвящены истории Французской революции и вслед за трудами Жорреса и Матьеза содействовали ее обновлению, они очень влияли на всю историческую науку, расширение ее тематики, углубление ее методов познания исторической действительности.

Мы уже отмечали значение первого труда Лефевра, его «Крестьян Севера во время революции»⁶¹, остающегося до сих пор образцом глубокого исследования, в котором едва ли не впервые во Франции историк показал умение «считать». В начале 30-х годов, после трагической смерти Матьеза, Ж. Лефевр был приглашен в Париж, где стал вскоре руководителем единственной в мире кафедры по истории Французской революции в Сорбонне, председателем Общества робеспьеристских исследований и редактором журнала «*Annales historiques de la Révolution française*»⁶².

На 30-е годы приходится публикация Лефевром двух ценных и оригинальных работ: «Аграрный вопрос во время террора»⁶³ и «Великий страх в 1789 году»⁶⁴. В «Аграрном вопросе», явившемся как бы продолжением «Крестьян Севера...» и ряда статей Лефевра об итогах распродажи национальных имуществ, с чрезвычайной ясностью и на новом архивном материале была освещена классовая борьба во французской деревне во время якобинской дик-

⁶¹ *Lefebvre G. Les paysans du Nord pendant la Révolution française. Paris, 1924; 2e éd. Bari, 1959*.

⁶² См.: *Собуль А. Жорж Лефевр — историк Французской революции (1874—1959). — В кн.: Французский ежегодник, 1959. М., 1961*. См. также: *Labrousse E. Georges Lefebvre. — Annales, 1960, N 1*.

⁶³ *Lefebvre G. Les questions agraires au temps de la Terreur. Strasbourg, 1932; 2e éd., 1952* (рус. пер.: *Лефевр Ж. Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936*).

⁶⁴ *Lefebvre G. La grande peur de 1789. Paris, 1932*.

татуры. Эта книга сейчас же после выхода получила высокую оценку советских историков, прежде всего со стороны лучшего знатока истории Французской революции — Н. М. Лукина, и была переведена на русский язык.

«Великий страх», описание той паники, которая внезапно охватила всю Францию летом 1789 г., была замечательным и оригинальным исследованием в малоразработанной области изучения коллективной психологии. Недаром она обратила на себя внимание М. Блока⁶⁵, которого сам Лефевр очень высоко ценил еще со времен Страсбурга и чувствовал всегда по отношению к нему, по соощению Альбера Собуля, свой «интеллектуальный долг»⁶⁶.

В эти же 30-е годы Лефевр в серии «Peuples et civilisations» опубликовал большие синтетические труды по истории Французской революции и о Наполеоне. Лекции Лефевра, пользовавшегося огромным научным и моральным авторитетом, привлекали большие аудитории.

Как писал в некрологе Э. Лабрусс, благодаря «своей эрудиции, внутренней теплоте, горевшему в нем пламени, своей чистоте» Лефевр мог служить «нашей дорогой эмблемой», «символом научного прогресса»⁶⁷. Лабрусс считал Жоржа Лефевра, Марка Блока и Люсьена Февра «тремя вершинами горной цепи»⁶⁸. К этим именам можно присоединить и имя самого Э. Лабрусса, больше всех других испытавшего на себе влияние Маркса. С деятельностью этих выдающихся ученых — а не только с «Анналами» — следует больше всего связывать тот перелом, который в 30-х годах происходил во французской исторической науке. Война 1939 г., «странное поражение», катастрофа 1940 г. на ряд лет оборвали этот процесс⁶⁹.

III

В эти тяжелые годы французская историческая наука лишилась Марка Блока. «Из всех человеческих потерь, которые понесла Франция между 1940—1945 гг., — писал

⁶⁵ *Annales d'histoire économique et sociale*, 1933, p. 301.

⁶⁶ См. предисловие А. Собуля к кн.: *Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française*, 2e éd. Paris, 1963, p. 4.

⁶⁷ *Labrousse E. Georges Lefebvre*. — *Annales*, 1960, N 1, p. 8.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 2.

⁶⁹ В этом кратком обзоре соответственно с поставленной задачей мы не касаемся историков внешней политики. Но нельзя не отметить наиболее выдающегося из них, Пьера Ренувена, в свою очередь в некоторой мере испытавшего на себе влияние «Анналов» (см. о П. Ренувене статью М. Н. Машкина в кн.: *Французский ежегодник*, 1976. М., 1978).

Люсьен Февр, — может быть, эта была самой жестокой и невосполнимой»⁷⁰.

Человек кристальной чистоты, редкого душевного благородства, сознававший всю лежащую на нем ответственность, Марк Блок, хотя ему в 1939 г. исполнилось уже 53 года, счел своим долгом принять участие в военных действиях. Он начал войну в том же чине, в каком (так же как и Л. Февр) закончил первую мировую войну, — в чине капитана — «старейшего капитана французской армии», как он грустно шутил. В 1940 г., во время наступления немецкой армии, он был в тех французских военных частях, которым удалось эвакуироваться через Дюнкерк в Англию, откуда он вернулся во Францию. После капитуляции он лишился возможности преподавать в Сорбонне и работал одно время в провинциальных университетах. Катастрофу 1940 г. Блок переживал исключительно тяжело — об этом свидетельствовала его книга «Странное поражение». В эти же годы Блок работал над книгой «Апология истории или ремесло историка», оставшейся незаконченной и уже посмертно изданной Люсьеном Февром. Книга осталась незавершенной еще и потому, что Блок счел своим моральным долгом принять личное участие в движении Сопротивления. Он глубочайшим образом ненавидел гитлеризм со всей его расистской идеологией⁷¹. Блок стал одним из руководителей Сопротивления в Лионе и его округе. Лишь изредка он наезжал в Париж, встречался с Люсьеном Февром и Жоржем Лефевром. В 1944 г. выслеженный гестаповцами Марк Блок вместе с группой единомышленников был арестован и 16 июня расстрелян. Так погиб один из самых блестящих историков Франции первой половины XX в.⁷²

Все годы войны находясь в Париже, Февр стремился продлить существование журнала, выходившего крайне нерегулярно под разными названиями. С 1946 г. журнал

⁷⁰ *Febvre L. Les combats pour l'histoire*, p. 410.

⁷¹ Ярчайший представитель французской культуры, Блок перед лицом нацизма считал моральным долгом подчеркивать свое еврейское происхождение. «Для меня было бы отвратительным, — писал М. Блок в своем завещании, — если бы я был заподозрен в трусливом отступничестве. Перед лицом смерти я заявляю, что родился евреем; что я никогда не думал от этого отречься и не находил оснований для такой попытки» (см.: *Annales d'histoire sociale. Hommages à Marc Bloch*. Paris, 1945).

⁷² Кроме указанных выше статей о М. Блоке см.: *Davies R. R. Marc Bloch*. — *History*, 1967, oct., vol. LII, N 176.

и всей Западной Европы. На подготовку этого труда Бродель затратил, по словам Февра, около 15 лет.

Фернан Бродель, сын парижского преподавателя математики, родился в 1902 г., в деревне, в восточной Франции (как и Февр) и провел там свое детство. Эти сельские годы оставили в нем, по его признанию, глубокий след. С 1908 г. он жил в Париже, окончил лицей Вольтера и Сорбонну. Из профессоров университета большое влияние оказал на него Анри Озе, руководивший тогда кафедрой экономической истории. Среди немногочисленных слушателей Озе он был одним из самых усидчивых⁷⁵. Его диплом был посвящен локальной теме «Бар-ле-Дюк в первые три года революции». «Как и всех левых студентов того времени, — вспоминает Ф. Бродель, — революция 1789 г. больше всего привлекала меня»⁷⁶.

С начала 20-х годов Бродель преподает в Алжире, в г. Константине. Здесь он уже начинает свое будущее исследование. В 1928—1929 гг. он публикует в «Revue africaine» свои первые большие научные статьи «Испания в Северной Африке». В 1927 г. в письме к Люсьену Февру, этому виднейшему французскому специалисту по истории XVI в., он намечает тему своей диссертации — «Средиземноморская политика Филиппа II» и начинает работать в испанских архивах, захваченных еще при Наполеоне и с тех пор хранившихся во Франции. Февр тут же ответил, что намеченная тема увлекательна, но «еще больше, чем Филиппа II, было бы заманчиво изучить прибрежные государства Средиземноморья»⁷⁷.

В 1930 г. в Алжире состоялся Национальный конгресс французских историков. Бродель был на нем секретарем и докладчиком. Здесь произошло его знакомство с Анри Берром. Позднее Бродель принимал участие в работах берровского Центра синтеза. О своих политических настроениях этого периода Бродель сообщает, что он «как уроженец восточной Франции не доверял Германии». «французский режим в Алжире не казался ему отвратительным»⁷⁸.

начал выходить, теперь уже под редакцией одного Февра, под новым названием: «Annales. Economies. Sociétés. Civilisations». Возможно, что уже в этом изменении названия сказались отсутствие Марка Блока.

После окончания войны историческая наука во Франции начала постепенно оживать. Значительнейшим явлением в исторической литературе первых послевоенных лет явилось появление в 1949 г. книги Фернана Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»⁷³. Книга была посвящена «Люсьену Февру как свидетельство признательности и сыновней привязанности»⁷⁴. С появлением этой книги Бродель сразу же завоевал себе репутацию одного из виднейших и наиболее одаренных историков не только Франции, но, пожалуй,

⁷³ Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris, 1949 (1160 страниц). В 1966 г. Бродель выпустил второе издание, расширенное и дополненное, на этот раз в двух томах.

⁷⁴ Текст посвящения гласил: «A Lucien Febvre. En témoignage de reconnaissance et filiale affection». Мы пользуемся здесь именно этим первым изданием книги, так как во второе издание были внесены некоторые изменения, характерные для Броделя более позднего периода.

⁷⁵ См. указанное выше предисловие Ф. Броделя к переизданию книги Озе (Hauser H. La modernité du XVI siècle).

⁷⁶ Braudel F. Personal Testimony.— Journal of Modern History, Chicago, 1972, N 4, p. 450.

⁷⁷ Ibid., p. 452.

⁷⁸ Ibid., p. 451.

С 1935 г. в течение трех лет он преподавал в Бразилии. На обратном пути на пароходе произошла встреча с Февром, возвращавшимся из Аргентины. Несколько недель совместного плавания навсегда скрепили их дружбу.

К лету 1939 г. вся подготовительная работа была закончена, и Бродель на даче у Февра в Фуше приступил к писанию своей книги. Но началась война, Бродель оказался на фронте. Во время катастрофы французской армии он был взят в плен. В 1940—1942 гг. он был в лагере в Майнце, но за свою политическую активность переведен в более строгий лагерь в Любек. Обладая исключительной памятью, Бродель, лишенный всех своих материалов, следуя примеру Анри Пиренна, который во время первой мировой войны, тоже находясь в плену, писал там «Историю Европы», возобновил свою работу над «Средиземноморьем» и почти каждую неделю отсылал очередную тетрадьку Февру. Этот труд, как вспоминает Бродель, был в известной мере его «прямым ответом на трагические времена»⁷⁹. Позднее, обосновывая свою теорию «longue durée», Бродель ссылаясь на свой собственный пример: «Я лично во время своего достаточно мрачного плена упорно боролся за то, чтобы отойти от повседневности этих трудных лет (1940—1945). Отойти от событий... — это значило подняться над ними, рассматривать их несколько со стороны и не слишком им доверять. От короткого времени перейти к гораздо более длительному»⁸⁰.

Почти сразу же после окончания войны Бродель, благодаря своей предварительной работе в лагере, уже в 1947 г. защитил диссертацию, а в 1949 г. выпустил обширный том, в котором он, однако, по условиям времени, был лишен возможности опубликовать карты, таблицы, воспроизвести полностью весь научный аппарат; он сумел это сделать только много лет спустя, во втором издании.

Появление «Средиземноморья» Люсьен Февр встретил восторженным отзывом. Он озаглавил свою рецензию «Книга, которая возвышает»⁸¹. Он закончил ее призывом к молодым: «Читайте, перечитывайте, обдумывайте эту прекрасную книгу. Сделайте ее вашим постоянным спутником... Это не только книга, которая учит. Это книга,

которая нас возвышает»⁸². В другой статье, опубликованной вскоре после выхода книги Броделя, Л. Февр писал: «Эта книга является манифестом. Симптомом. И я не колеблюсь это сказать — датой. Эта книга — чудо эрудиции. Она результат 15 лет непрерывного труда, упорных поисков во всех архивохранилищах, во всех исторических библиотеках средиземноморского и иберийского миров, подлинный шедевр...»⁸³. В этой книге воплощено то, «чего на протяжении 20 лет добивались все мы, будь то Марк Блок, Анри Пиренн, Жорж Эспинас или Андре Сайу, Альбер Деманжон, Анри Озе или Жюль Сион, — я называю только умерших — в нашем стремлении создать историю более живую, более продуманную, более действенную, более приспособленную к нуждам нашей эпохи»⁸⁴.

Книга Броделя действительно отличается прежде всего своим непривычным, оригинальным построением. Как и советовал ему Февр еще в 20-х годах, она посвящена не одной Испании (первоначальный замысел Броделя), но всем прибрежным средиземноморским странам, всему обширнейшему региону — задача, сама по себе исключительно сложная и кажущаяся непосильной для одного автора. Том состоит из трех разделов, и уже одни их заголовки (труднопереводимые) очень характерны для Броделя. Первый раздел — «La part du milieu» («Влияние среды»), второй — «Destins collectifs et mouvements d'ensemble» («Коллективные судьбы и общее движение») и последний, третий, который, по признанию самого Броделя, ему меньше всего хотелось писать и который он охотно опустил бы: «Les événements, la politique et les hommes» («События, политика и люди») ⁸⁵. Первый раздел посвящен географической среде — горам, равнинам, плоскогорьям, самому морю, климату Средиземноморья. Но кроме этого «физического единства» Бродель в этот же раздел включает и обширную главу «Человеческое единство. Пути и города» (с. 240—309). Было бы ошибочно рассматривать Броделя как сторонника пресловутой немецкой «геоистории», ставшей основой для империалисти-

⁷⁹ Ibid., p. 454.

⁸⁰ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 76.

⁸¹ Febvre L. Un livre qui grandit. — Revue historique, 1950, vol. 3, p. 216—224 (перепечатано в кн.: Febvre L. Pour une histoire à part entière).

⁸² Revue historique, 1950, vol. 3, p. 224.

⁸³ Febvre L. Les combats pour l'histoire, p. 433.

⁸⁴ Revue historique, 1950, vol. 3, p. 224.

⁸⁵ «Рассказ, который составляет третью часть книги и который я писал не без некоторой скуки» (un peu ennuyé à écrire) (Braudel F. Méditerranée..., p. 1098).

ческих притязаний Германии⁸⁶, однако влияние французской географической школы Видаля де Лаблаша (1845—1918)⁸⁷ (а отчасти и Люсьена Февра) со всеми ее сильными и слабыми сторонами совершенно очевидно. Слишком часто географическим понятиям и единицам отводится решающее значение.

Проблемы экономической истории стран Средиземноморья широко освещены во втором разделе труда Броделя. Конечно, и здесь автора можно упрекнуть — и сам Бродель позднее сделал этот упрек своим последователям, например Пьеру Шоню, — что внимание исследователя посвящено по преимуществу обращению, торговле и торговым путям (эта тема освещена в обширной третьей главе II раздела — почти сто страниц — 421—509), а не производству. Только после анализа этих экономических явлений Бродель переходит к рассмотрению государств, прежде всего двух главных враждующих империй: испанской и турецкой. Этот раздел заключают главы о цивилизациях и общественных отношениях (*sociétés*), где он рассматривает — «и тут уже предельно кратко» — роль буржуазии и новое восхождение землевладельческих классов («сенъориальная реакция»). Нельзя не отметить странного соотношения: крушению средиземноморской буржуазии Бродель отводит только восемь страниц, а бандитизму (правда, он дает его интересный социальный анализ) — вдвое больше⁸⁸.

Л. Февр высоко оценил раздел книги «Экономика и пространство»: «...векселя, драгоценные металлы, цены, обращение наиболее ценных продуктов — перца, пряностей, хлеба. Путь пряностей от Ормиза до Алеппо сохранялся до 1600 г., и только когда произошел окончательный упадок торговли Дальнего Востока с Средиземноморьем, только тогда наступила смерть старой царицы — Венеции, низложенной с престола новым властелином мира — Океа-

ном»⁸⁹. В этой связи нельзя не отметить, что у Броделя и здесь проступает влияние «географической» концепции: вместо соперничества торгово-капиталистических центров, разных групп развивающейся буржуазии он говорит о борьбе двух транзитных путей — средиземноморского и океанского, «эта борьба продолжалась больше столетия со своими стадиями упадка и подъема»⁹⁰. Но там, где, хотя и фигурально, Февр и Бродель видят лишь борьбу «моря и океана», Маркс давно, еще в середине XIX в., видел иной, гораздо более глубокий процесс: рождение в XVI в. капитализма, его первого мануфактурного периода.

Что особенно привлекало Февра в книге Броделя — это второстепенное, подчиненное место, отведенное в ней «событийной истории», истории «на поверхности», «пене, волнам, которые иногда искусственно оживляют мощное дыхательное движение океанских глубин». Тот подзаголовок, который получили «Анналы» с 1945 г. — «Экономика, общества, цивилизации» — охотно был воспринят Броделем. Эта классификация положена в основу его книги. «Сломаны самые старые и самые почтенные традиции; хронологический порядок заменен динамическим и генетическим. Изложение переходит от более глубокого и более постоянного к более поверхностному и более эфемерному, но без пренебрежения к этому более эфемерному»⁹¹. Именно эта классификация исторических явлений мешает написанию «глобальной» истории, где все узлы — и экономической, и социальной, и политической истории были бы тесно увязаны.

На книге Броделя отчетливо лежит «виза времени». Он писал ее между двумя войнами и заканчивал уже после второй. Перед европейским общественным мнением все чаще вставала та угроза, которую отчетливо и ярко сформулировал в 1932 г. Поль Валери: «Единственное, что мы теперь знаем, — это то, что мы (европейская цивилизация. — В. Д.) подвержены гибели (*que nous sommes mortelles*)»⁹². Бродель внимательно ознакомился с вышедшей после немецкого поражения 1918 г. и пропумевшей тогда книгой Освальда Шпенглера «Закат Европы», с работами, предвещавшими упадок и даже возможную гибель евро-

⁸⁶ В новом издании «Средиземноморья...» Бродель отказался от применения этого термина.

⁸⁷ О книге Видаля де Лаблаша (*Vidal de Lablache P. Principes de géographie humaine. Paris, 1922*) Бродель говорит: «Мне кажется, что я читал и перечитывал ее от строчки до строчки. Ее суть (*la substance*) отражена в моей книге» (*Braudel F. La Méditerranée...*, p. 1092).

⁸⁸ *Braudel F. La Méditerranée...*, partie II, chapitre VI (I. Faillite de la bourgeoisie — p. 616—624; II. Une réaction seigneuriale — p. 624—643; III. Misère et banditisme — p. 643—661).

⁸⁹ *Revue historique*, 1950, vol. 3, p. 222.

⁹⁰ *Braudel F. La Méditerranée...*, p. 446—447.

⁹¹ *Revue historique*, 1950, vol. 3, p. 224.

⁹² *Valéry P. La crise de l'esprit.* — In: Valéry P. *Oeuvres*. Paris, 1945, p. 358.

пейской цивилизации. «Средиземноморье» было в какой-то мере ответом на эти мрачные предсказания, проявлением броделевского исторического оптимизма, во всяком случае иного понимания природы и хода исторических кризисов. «Некоторые немецкие мыслители,— писал он, явно имея в виду О. Шпенглера,— или питавшиеся немецкой мыслью утверждают, что происходит неизбежный упадок и отдельные исторические кризисы являются только его последовательными вариантами. Я со своей стороны всячески боролся с этой тенденцией, но недостаточно, о чем не могу не сожалеть»⁹³.

Известный английский историк Тревор-Роупер совершенно правильно определил время, которое освещает исследование Броделя: «...упадок Средиземноморья, момент, когда Европа переходит... от средиземноморской к атлантической экономике»⁹⁴. Но Бродель это как раз и оспаривает — он считает, что по крайней мере в тот период, которому посвящена его книга — вторая половина XVI в., — этот упадок еще не наступил: «Неужели достаточно было, чтобы четыре небольших судна обогнули мыс Доброй Надежды, чтобы закончилась тысячелетняя история выгодной торговли и блестящей цивилизации?». По его мнению, только с 1580 г. появляются признаки упадка, и лишь в XVII в. — а не в XVI столетии, вопреки широко распространенному мнению, — заканчивается прелюдная симиановская фаза А и начинается следующая фаза Б⁹⁵.

В этой связи Бродель высказал свои мысли о природе исторических кризисов. «Мне кажется,— писал он на заключительных страницах «Средиземноморья», — что история предстает перед нами как целый ряд кризисов, между которыми существуют какие-то площадки (*paliers*), эпохи равновесия, о которых историки говорят совершенно недостаточно. В осеннюю пору государств-городов, даже в их зиму расцветает итальянский Ренессанс, призванный поразить мир». В осеннюю пору средиземноморских держав — Турции, Испании — развиваются обширные цивилизации. «По-видимому, необходимо, чтобы отмирали какие-то ценности для того, чтобы рождались другие, отлич-

ные от них, но которые ими питаются, следуя беспощадному ритму смены смерти и жизни»⁹⁶. Исходя из такого понимания, Бродель и считал вторую половину XVI столетия своеобразной «исторической площадкой», периодом равновесия, когда только слегка обозначаются симптомы предстоящего тления, заката Средиземноморья.

Разумеется, не здесь решать этот спор. Нам хотелось лишь показать, что проблемы Средиземноморья XVI в. Бродель тесно связывает с проблемами «большой», «глобальной истории», к созданию которой он постоянно стремится.

«Средиземноморье» по самому построению книги, по ее общей методологии, по тому намеренно пренебрежительному отношению к «событийной» истории, которое Бродель всячески подчеркивает, может и должно вызывать споры и достаточно основательные возражения. И все же одно совершенно очевидно: в этой книге Бродель выявил себя как крупнейший мастер исторического исследования, как историк с поразительной эрудицией. Он работал в архивах Франции, Испании, Италии, Австрии; он поднял огромные, никем до него не исследованные фонды не только в Париже и Мадриде, но и в Венеции, Флоренции, Генуе, Риме (в том числе и в Ватикане), Неаполе, Палермо, Марселе, в Рагузе (Дубровник, где его поиск и оказались весьма плодотворными), в Вене, в Алжире, отдельных германских городах (Нюрнберге, Аугсбурге, Лейпциге, Дрездене). Он вел разведку и в турецких архивах. Трудолюбие и пытливость Броделя поразительны. «Его обширнейший горизонт (*panoramic visions*), — писал американский историк Гекстер, — чудо его исторической эрудиции заставляет меня краснеть за мой узкий кругозор и ограниченные знания»⁹⁷.

Уже в 1950 г. Бродель получил кафедру в Collège de France. После кончины Люсьена Февра в 1956 г. он стал руководителем журнала «Annales» и созданной по инициативе Февра VI секции Высшей школы практических исследований, ставшей одним из основных центров исторической науки во Франции. Но хотя Бродель и стал виднейшим ее организатором, он не оставил и своей исследовательской деятельности. Нарушая хронологическую последовательность, мы на ней несколько остановимся.

⁹⁶ Ibid., p. 1095.

⁹⁷ Hexter J. H. Fernand Braudel and the Monde Braudélien. — Journal of Modern History, Chicago, 1972, N 4, p. 538.

⁹³ Braudel F. La Méditerranée..., p. 1094.

⁹⁴ Trevor-Roper H. R. Fernand Braudel, the Annales and the Méditerranéen. — Journal of Modern History, Chicago, vol. 44, N 4, 1972, dec., p. 476—477.

⁹⁵ Braudel F. La Méditerranée..., p. 1094—1096.

В 1954/55 г. Бродель вел в Collège de France курс истории капитализма в новое время и курс истории Франции в XVI в., в 1956/57 г. — экономики XVIII в., в 1960—1962 гг. — курс «Материальная жизнь в XVI—XVIII веках». Все это были подготовительные работы к большому новому труду, первый том которого был издан в 1967 г., — «Материальная цивилизация и капитализм»⁹⁸.

Бродель уже давно задумывался над исследованием темы — «человек лицом к своей повседневной жизни» («L'homme face à la vie quotidienne»). Еще в 1944 г. в рецензии на книгу Максимилиана Сорра «Биологические основы географии человечества. Опыт экологии человека» («Les bases biologiques de la géographie humaine. Essai d'une écologie de l'homme») он в связи с замечаниями Сорра о соединении в питании жителей Средиземноморья хлеба, вина и оливок, писал: «Насколько же эти страницы о географии питания оригинальны и новы. Обычно — увы! — географы вовсе не проявляют внимания, признаемся в этом, к тому, что люди едят. Но в этом вопросе они не отличаются от современных французских историков»⁹⁹.

К этому месту в рецензии Броделя Люсьен Февр сделал примечание, что под его руководством составляется сейчас «карта пищевых жиров во Франции», и Бродель сопроводил это примечание словами, что «история замены одних жиров другими будет представлять захватывающий интерес» (serait passionnante)¹⁰⁰. «Современные французские историки, — отмечал в той же рецензии Бродель, — в общем уделяют мало внимания истории питания, хотя в конце концов она, возможно, столь же интересна, как (денежная. — В. Д.) система Лоу или какой-нибудь другой классический вопрос. Имеем ли мы историю французской кухни или, вернее, кухонь? Или, например, историю растительного и сливочного масла?.. Многие ли из историков знакомы с трудностью изготовления сухарей, без которых в Средиземноморье... не было бы самых знаменитых армид. Можно было бы сказать — нет хлеба, нет флота»¹⁰¹. Так, уже в 1944 г. у Броделя зрел замысел

нового капитального труда, на который ушло еще 20 лет его жизни.

Книга эта тоже отличается обширностью и необычностью замысла, оригинальностью построения и изложения. Бродель на этот раз не ограничивается одним регионом или тем более одной Францией. Сторонник — и притом убежденный — коллективных методов исследования, он снова берет на себя одну огромную задачу изучения развития материальной цивилизации в XV—XVIII столетиях не только в Европе, но и в Азии, Африке, Америке.

Книга начинается с демографического очерка. Дальше следует глава о «хлебе насущном» — то, о чем Бродель думал еще в 1944 г., — его важнейших разновидностях: хлеб, рис, кукуруза. Третья глава посвящена всем другим видам пищи — мясу, тем же жирам, рыбе, овощам, пряностям, сахару, соли и всем видам напитков. Жилищу и одежде посвящена четвертая глава, причем Бродель не оставляет без внимания и, притом на всех континентах, во всем их огромном разнообразии полы, стены, потолки, двери, окна, печи. В пятой и шестой главах Бродель изучает источники энергии и двигатели: животная сила, пахотное животное, дерево, уголь, железо, важнейшие технические изобретения. Во всех деталях рассматривается история путей сообщения. Развитию денежного обращения посвящена седьмая глава; восьмая и последняя главы — городам, которые с таким глубочайшим интересом он изучал еще в «Средиземноморье»; но на этот раз он говорит не только об итальянских или испанских городах, но и о Пекине, Санкт-Петербурге, Париже, Лондоне. Попутно он дает, например, при описании британской столицы очень яркое представление о социальных противоречиях, о «пролетарских» (термин Броделя) национальностях того времени, к которым он относит ирландцев и евреев после их изгнания из Центральной Европы.

Замысел всего исследования Бродель уточнил во введении к первому тому «Материальной цивилизации». При чтении его удивляют и вызывают недоумение три аспекта. Бродель отделяет материальную цивилизацию от экономической жизни и от капитализма. Материальная цивилизация — это «нижний этаж», рутинная — все то, что переходит по наследству, «элементарная жизнь», с величайшим

дактирования, где бы речь не шла о хлебе. Хлеб посещал его каждый день» (Braudel F. La Méditerranée..., p. 280).

⁹⁸ Braudel F. La civilisation matérielle et capitalisme (XV—XVIII siècles). Paris, 1967. Vol. 1.

⁹⁹ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 163.

¹⁰⁰ Ibid., p. 167.

¹⁰¹ Ibid., p. 170. Недаром еще в «Средиземноморье» Бродель писал: «Не было дня, чтобы на своем загроможденном бумагами столе Филипп II не находил бы документа для ознакомления или ре-

трудом поддающаяся изменениям, это реальности «длительных циклов» — «la longue durée». Под экономической жизнью Бродель понимает «высший этаж», более «привилегированный», стоящий над повседневной жизнью. И наконец, над ней возвышается «третий этаж» — капитализм. Так, в трех планах должно вестись исследование: «Материальная, повседневная жизнь, чисто растительная, малозначительная; экономическая жизнь, более расчлененная, продуманная, представляющая собой как бы сумму правил почти естественной необходимости; и, наконец, функционирование капитализма (le jeu capitaliste), который наступает на все формы и экономической, и материальной жизни»¹⁰². До 1800 г. люди, в общем, живут «в скромном плане материальной жизни»¹⁰³. Этому периоду и посвящен первый том броделевского исследования.

Это разделение, в особенности отделение капитализма от экономической жизни, вызывает недоумение. Бродель ссылается на то, что капитализм¹⁰⁴ первоначально не охватывает все клетки, все звенья экономической жизни. Но ведь это вполне естественно, поскольку в ней «сосуществуют» и ведут между собой борьбу различные формы, различные экономические уклады. Броделю осталось неизвестным ленинское определение, основанное на Марксовой теории, что капитализм вырастает как бы ежедневно, из простейших товарных отношений¹⁰⁵. И это отразилось, конечно, отрицательно на всем построении труда Ф. Броделя.

В замысле «Материальной цивилизации» сказалась и теория «longue durée», выдвинутая Броделем¹⁰⁶. Она вызывает многочисленные толкования, и далеко не ясно

определена самим ее автором. Серьезная критика этой теории и всех вообще построений «глобальной истории» у Броделя дана в недавно вышедшей книге М. Н. Соколовой, хотя данное ею истолкование «longue durée» как некоего подобия «Вселенной, вечной и бесконечной, сжимающейся и разжимающейся в своей собственной безграничности»¹⁰⁷, представляется нам спорным. Бродель отчетливо отделяет «longue durée» от «très longue durée», т. е. отнюдь не рассматривает это понятие как «бесконечность».

В той же статье «La longue durée», говоря о периоде между XV и XVIII столетиями, Бродель указывает, что он «определил или, вернее, вслед за другими напомнил главные черты этого периода в истории Западной Европы как торгового капитализма, этапа большой длительности (étape de longue durée). Эти четыре или пять столетий экономической жизни вплоть до переворота XVIII в. и промышленной революции тесно связаны между собой»¹⁰⁸. Более того, свое понимание этого этапа «longue durée» он непосредственно сближает с пониманием исторического процесса у Маркса. «Мы говорили, — писал он в той же статье, — о торговом капитализме между XIV и XVI столетиями; речь идет об одной из исторических моделей, которые можно найти у Маркса». Таким образом, «longue durée» у Броделя совсем не сводится к «безграничности». Но все же это понятие слишком часто истолковывается им чересчур широко и неопределенно, как в данном случае с материальной цивилизацией. Недаром видный представитель современной буржуазной историографии Д. Барраклаф (Barraclough), при всем его уважении к Броделю, подчеркивает, что очень многие историки не разделяют его концепцию «longue durée» как почти неподвижную историю человека с точки зрения его отношений с окружающей средой.

Понадобилось 12 лет напряженного труда после опубликования в 1967 г. первого тома своей «Материальной цивилизации», чтобы Бродель завершил то, что он впервые задумал еще в 1952 г. В декабре 1979 г. был издан

¹⁰² Braudel F. La civilisation matérielle, vol. 1, p. 11.

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Бродель считает, что самый термин «капитализм» появился поздно, не раньше чем в 70-х годах XIX в., а широкое распространение он получил только в «наше столетие». Он полагает, что «Маркс этого термина не знал» (Marx l'a ignoré). — Ibid., p. 10. Такое утверждение можно объяснить только недостаточным знакомством Броделя с Марксом.

¹⁰⁵ Во время дискуссии в Москве с советскими историками по этому вопросу уже после выхода первого тома его книги Ф. Бродель проявил живейший интерес к ленинским высказываниям о том, какую опасность в смысле развития капиталистических отношений представляет «всероссийская Сухаревка», и просил ознакомить его с точными текстами Ленина.

¹⁰⁶ Braudel F. La longue durée. — Annales, 1958, N 4 (перепечатано в кн.: Braudel F. Ecrits sur l'histoire).

¹⁰⁷ Соколова М. Н. Историческая теория Фернана Броделя. — В кн.: Французский ежегодник, 1972. М., 1974, с. 330—331; см. также: Соколова М. Н. Современная французская историография. М., 1979.

¹⁰⁸ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 65.

весь его огромный труд в трех томах (в том числе и переработанный первый том) — около 1750 страниц¹⁰⁹. Появление этого трехтомника произвело большое впечатление. Влиятельная французская газета «Le Monde» посвятила труду Броделя целые две страницы и охарактеризовала его автора как самого видного современного французского историка¹¹⁰.

Сейчас еще рано давать оценку этому труду. Однако нельзя не признать, что он поражает эрудицией автора. Достаточно сказать, что по нашим неполным подсчетам в работе дано свыше 5700 ссылок на архивные источники и литературу. Даже если учесть, что в некоторых случаях ссылки на те или иные работы повторяются, эта цифра не может не удивлять; причем надо иметь в виду, что он совершенно свободно пользуется литературой на английском, немецком, итальянском, испанском и португальском языках. Как и в своих предыдущих трудах, он привлек архивы целого ряда стран, в том числе и советские архивы. Любопытная деталь: в Архиве внешней политики России он — едва ли не первый — использовал переписку русского консула в Лиссабоне — пример настойчивости и неиссякаемой любознательности. Характерно для Броделя, что, едва закончив свой трехтомник, он немедленно приступил к работе над «Историей Франции».

При всех этих огромных достоинствах, исследование Броделя вызывает, конечно, и ряд серьезных возражений, начиная прежде всего с его общей «трехэтажной» схемы.

В связи с выходом «Материальной цивилизации» нам хотелось бы остановиться на вопросе об отношении Броделя к Марксу. Еще после появления первого тома он заявил в одном интервью: «Ясно как дважды два четыре, что Маркс является основоположником современной исторической науки»¹¹¹. «Материальная цивилизация» свидетельствует о глубоком уважении к Марксу: более 40 раз он ссылается на него, причем неоднократно подчеркивает согласие с ним в тех случаях, когда Вернер Зомбарт и

Макс Вебер критиковали Маркса, в частности, по вопросу о протестантизме и капитализме¹¹².

В первом томе «Материальной цивилизации» он подчеркивает: «Маркс прав: разве тот, кто владеет средствами производства, землей, флотом, станками, сырьем, готовыми изделиями, разве он не занимает господствующей позиции?.. Это значит вернуться к языку Маркса, быть на его стороне даже тогда, когда отбрасываешь его точные выражения или слишком строгий порядок, в котором, по его мнению, движется все общество, переходя от одной структуры к другой»¹¹³.

Такие высокие оценки встречаются у Броделя чрезвычайно часто. В большой статье «История цивилизации», опубликованной в 1959 г. в XX томе «Французской энциклопедии», созданной Л. Февром, он писал: «Пренебрежение к Марксу... какое же это ребячество»¹¹⁴. О «гении Маркса» и секрете его все еще длящегося влияния, объясняющего тем, что он был создателем «самого проникновенного социального анализа предшествующего столетия»¹¹⁵, Бродель говорит неоднократно¹¹⁶.

Очень любопытно, что впервые во втором и третьем томах «Материальной цивилизации» Бродель цитирует В. И. Ленина и подчеркивает — может быть, в этом отношении для него оказались полезными контакты с советскими историками — свое согласие с ним по вопросу о корнях капитализма¹¹⁷.

Хотя Бродель и подчеркивает, что он «ни разу не вступал в спор с Марксом»¹¹⁸, не следует придавать этому заявлению преувеличенного значения. К марксизму XX в. Бродель относится несколько скептически; он все еще ждет появления «шедевра марксистской историографии», который докажет возможность и целесообразность применения марксизма в истории.

Конечно, все эти оговорки, спорность ряда методологических положений, неясность столь важного для Броделя понятия «la longue durée», пренебрежение к «собы-

¹¹² «Мне очень трудно понять Вебера... В действительности я гораздо больше согласен с Марксом» (Le Monde, 1979, 14 déc. Интервью Ф. Броделя).

¹¹³ Braudel F. La civilisation matérielle, vol. 1, p. 495.

¹¹⁴ Braudel F. Écrits sur l'histoire, p. 297.

¹¹⁵ Ibid., p. 81.

¹¹⁶ Ibid., p. 53, 68, 80, 116, 216, 235, 262, 285, 290, 296, 297.

¹¹⁷ Braudel F. La civilisation matérielle, vol. 3, p. 547.

¹¹⁸ Rinascita, 1979, N 47.

¹⁰⁹ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XV—XVIII siècles. Vol. 1—3. Paris, 1979. Vol. 1. Les structures du quotidien. 538 p.; Vol. 2. Les jeux de l'échange. 600 p.; Vol. 3. Le temps du monde. 607 p.

¹¹⁰ Le Monde, 1979, 14 déc.

¹¹¹ Le Nouvel observateur, 1967, 12 juil., p. 25.

тийной» истории дает все основания для критики его как теоретика. Но в историю науки Фернан Бродель войдет, по нашему мнению, прежде всего как автор двух ярких конкретно-исторических интереснейших трудов — «Средиземноморье» и «Материальная цивилизация».

Разумеется, они не свободны от недостатков. Известный английский историк Пламб (Plumb), считающий «Средиземноморье» «одним из важнейших исторических трудов, появившихся в нашем столетии», и чрезвычайно высоко оценивающий Броделя (но не его учеников), указал в рецензии на английское издание «Материальной цивилизации» на ряд слабостей книги и привел убедительные тому доказательства¹¹⁹. Разумеется, в таком труде, охватывающем несколько материков и освещающем такие аспекты, по которым почти не было исторических исследований и, следовательно, часто приходилось прокладывать тропу впервые, такие ошибки были почти неизбежны. Но зато в «Материальной цивилизации» прекрасно представлена та особенность Броделя как исследователя, которая была тонко подмечена Гекстером: «неутомимое стремление к собиранию всех деталей». Бродель, как писал Гекстер, испытывает «огромное удовольствие» и от изложения крупнейших линий развития, и в то же время мельчайших подробностей, иногда подробностей ради подробностей (details for details's sake). У него неудержимое стремление путешествовать повсюду, все видеть и обо всем рассказать, у него, как у Рабле, «интерес ко всему» и в результате «огромная подавляющая эрудиция»¹²⁰.

Гекстер подчеркивал эту особенность Броделя на примере «Средиземноморья». «Материальная цивилизация» принесла новое, весомое тому доказательство. Методологически Бродель — сторонник широчайших обобщений, «глобальной истории», но как исследователь, как историк он, к величайшему счастью, «искатель жемчуга», пытливейший охотник за конкретными, мельчайшими деталями и в этом черпает, как отмечал Гекстер, «величайшее удовлетворение». Это счастливое сочетание и обеспечило Броделю

¹¹⁹ New Statesman. London, 1973, 15 juin. По поводу другой статьи Пламба Эммануэль Леруа-Ладюри иронически писал: «Поклонник Броделя и ниспровергатель всех его учеников, Пламб хотел бы беспошадно срубить головы гидры „Анналов“ за исключением одной — головы учителя» (*Le Roy Ladurie E. Maître et disciples vus d'Amérique.* — *Le Monde*, 1973, 1 mars).

¹²⁰ Hexter J. H. Op. cit., p. 522—524.

то высокое место во французской исторической науке XX в., которое он занял несмотря на все спорные стороны его исторической теории.

IV

Мы отмечали противоречивое отношение Броделя (и «Анналов» *тех времен*) к Марксу и марксизму. Но характернейшей чертой французской исторической науки послевоенных лет, в особенности 50-х и начала 60-х годов, было усиление уже вполне зрелой марксистской историографии. Этому в огромной степени содействовали победа Советского Союза во второй мировой войне, его решающая роль в разгроме фашизма и создание мировой социалистической системы. Тот же Барраклаф, подчеркивая усиление влияния марксизма в исторической науке еще с 30-х годов, писал, что после кризиса 1929 г. влияние марксизма распространилось во всех направлениях, и даже те историки, которые отрицают марксистское понимание истории, — а их вне Советского Союза подавляющее большинство — вынуждены пересмотреть свои позиции в свете марксистских идей. В 50-х годах во Франции можно уже говорить не только о влиянии марксизма на историков, не разделяющих марксистских идей, но и о чисто марксистской историографии, стоящей на самом высоком научном уровне и занявшей, наконец, твердые позиции в высшей школе.

Это сказалось прежде всего на истории Великой французской революции — этом важнейшем участке исторических исследований во Франции. Как мы уже отмечали, с начала века появление труда Жореса, а вслед за ним и исследований Альбера Матьеа, Жоржа Лефевра и Эрнеста Лабрусса широко раскрыло двери для проникновения марксистских идей и методов в историографию Великой революции. Их наиболее ярким представителем явился Альбер Собуль (род. 1914). Выходец из народных низов, рано лишившийся родителей (отец — крестьянин-бедняк, погиб на фронте, когда Собулю было всего полгода; мать умерла, когда ему не было и восьми лет), он рос на иждивении государства, как «*ripille de la nation*» (воспитанник нации). Высшее образование он получил в 30-х годах, во время Народного фронта. Он стал любимейшим учеником Жоржа Лефевра. Так же как сам Лефевр признавал, что

(2 июня 1793 г. — 9 термидора II года)¹²³, которую он блестяще защитил в ноябре 1958 г. (получив бронзовую медаль Центра научных исследований). Этот капитальный труд (1168 страниц!) сразу же принес Соболю широкую известность и может быть с полным правом отнесен к числу лучших исследований, появившихся в послевоенной Франции.

Собуль избрал чрезвычайно важную и малоразработанную тему — роль парижских народных низов в революции, особенно в ее кульминационный период — 1793—1794 гг. «В дополнение к изучению Конвента, — писал он, — и его комитетов, а также Парижской коммуны, которые по преимуществу привлекали внимание историков, мы хотим изучить парижский народ в его общих собраниях и секционных обществах; с изменением освещения появятся новые аспекты, которые попомянут наши знания». Именно эта роль народных (в частности, парижских) низов определила, по мнению Соболя, «оригинальные черты нашей национальной истории»¹²⁴.

Эта необходимость изучения народных движений в годы революции ощущалась уже давно. Еще в 1878 г. Петр Кропоткин, страстно интересовавшийся историей французской революции, писал: «Будущая история революции должна быть историей народного движения за этот период»¹²⁵.

Изучение роли крестьянских движений в революции значительно подвинулось вперед благодаря в первую очередь исследованиям Жоржа Лефевра. Но роль городских, и в частности парижских, низов, парижских секций все еще оставалась слабоосвещенной. Ею в XIX в. по первоисточникам занимались Жюль Мишле и консервативный историк Мортимер-Терно. Во время Коммуны произошел пожар в здании парижского муниципалитета, где хранились протоколы парижских секций, и казалось, что исследование их деятельности стало невозможным. Только в 1898 г. Эрнест Мелье обнаружил все же сохра-

находился под влиянием только Жореса, так и Собоуль, по его собственным словам, считает Лефевра своим единственным научным вдохновителем¹²¹. Уже в 1939 г. Собоуль опубликовал свою первую работу по истории революции. Он был одним из руководителей студенческой коммунистической организации в Париже и стал членом компартии с того же 1939 г. Солдат-артиллерист в годы войны, Собоуль принял активнейшее участие в Сопротивлении. В 1942 г. он был уволен из лицея в Монпелье, где начал преподавать, арестован и до конца войны находился на нелегальном положении¹²². В 1945 г. Собоуль переехал в Париж, где преподавал в лицеях и продолжил работу над докторской диссертацией «Парижские санкюлоты II года. Народное движение и революционное правительство

¹²¹ «Я признаю только двух своих учителей: мою тетку (коммунистку, скончавшуюся в 1963 г. — В. Д.) и Жоржа Лефевра. Они сформировали мой критический дух. Они научили меня любви к свободе и привязанности к обездоленным» (Из письма А. Собоуля автору от 4 июня 1965 г.).

¹²² Soboul A. Curriculum vitae. Paris, s. d. [1967].

¹²³ Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'An II. Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire. 2 juin 1793—9 Thermidor An II. Paris, 1958 (сокр. рус. пер.: Собоуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Под ред. и с введ. ст. А. З. Манфреда М., 1966).

¹²⁴ Soboul A. Les sans culottes parisiens, p. 17—18.

¹²⁵ Кропоткин П. А. Великая французская революция. 1789—1793. М., 1979, с. 460. См. выше нашу статью «Кропоткин — историк Великой французской революции».

пившиеся материалы секций, но его внимание привлекли их структура, их будничная практика, но не политическая роль в революции¹²⁶. Ф. Брэш в 1911 г. в своем исследовании «Коммуна 10 августа» осветил роль парижских секций только с 20 июня до 2 декабря 1792 г.¹²⁷ П. Кропоткин, понимавший роль секций, был изгнан из Франции еще в 80-х годах и не мог поэтому исследовать парижские архивы. Известных успехов добился Н. И. Кареев, но первая мировая война помешала ему продолжить свои исследования¹²⁸ (это сделал уже после революции его ученик, Я. М. Захер). К тому же как либерал Кареев и не мог в должной мере оценить самостоятельную революционную роль парижских секций. Именно это впервые и проделал А. Собоуль, который предварительно провел огромную многолетнюю работу по выявлению всех сохранившихся материалов.

На основании этих материалов о парижских секциях¹²⁹ Собоуль и написал свой труд о роли парижских санкюлотов. Само это понятие подвергалось известной критике — его оспаривали советские историки Я. М. Захер и С. А. Лотте, отдававшие предпочтение старому энгельсовскому термину «плебейские элементы», или «предпролетариат». Но независимо от этой дискуссии, монография А. Собоуля с полным правом закрепила за ним репутацию замечательного знатока истории французской революции и лучшего исследователя роли в ней парижских низов.

Собоуль представил также бывшую обязательной во Франции дополнительную «малую диссертацию» (*la petite thèse*), которая должна была выявить способность к исследованию специальных источников. Он посвятил ее сельской округе Монпелье накануне падения старого порядка¹³⁰ (как видно, даже тяжелые годы пребывания в Монпелье Собоуль сумел использовать для научных изысканий). Эта работа обнаружила превосходное знакомство ученого с аграрными отношениями во Франции XVIII в. За ней

последовал целый ряд статей, в которых, в частности, Собоуль оспаривал утверждения тех, кто отрицал существование во Франции феодальных пережитков накануне революции и на этом основании оспаривал буржуазный характер великой революции¹³¹.

Собоуль явился также автором ряда больших обобщающих трудов по истории революции, в том числе «Французская революция и европейская цивилизация»¹³². Ему принадлежит заслуга опубликования ряда трудов Ж. Лефевра, остававшихся после смерти замечательного историка в рукописи, и переиздания важнейших его книг¹³³. Он осуществил третье издание «Великой французской революции» Ж. Жореса с весьма пространными примечаниями и библиографическими указаниями новейшей литературы за 70 лет после выхода труда Жореса¹³⁴.

Признанием научных заслуг Собоуля явилось почти единогласное избрание его (75 голосов из 86) в июне 1967 г. руководителем кафедры по истории революции в Сорбонне, созданной в 1884 г. для Альфонса Олара. «Ответственное и тяжкое наследство, когда думаешь об Альбере Матъезе и Жорже Лефевре», — писал Собоуль после этого избрания¹³⁵. Но это был не только его личный успех, это было свидетельство признания заслуг марксистской историографии и ее внедрения в университетскую науку в 50—60-х годах. Ведь еще в 20-х годах такой блестящий историк революции, как Альбер Матъез, не был допущен к руководству этой кафедрой, как «профессор с пикой», по определению «*Le Temps*».

¹²⁶ Mellier E. Les sections de Paris pendant la Révolution française. Paris, 1898.

¹²⁷ Braesch F. La Commune du dix août. Etude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792. Paris, 1911.

¹²⁸ Список работ Н. И. Кареева о парижских секциях см.: Кареев Н. И. Историки французской революции. Л., 1924, т. 3, с. 299.

¹²⁹ Soboul A. Les papiers des Sections de Paris (1790 — an IV). Répertoire sommaire. Paris, 1950.

¹³⁰ Soboul A. Les campagnes montpelliéraines à la fin de l'Ancien régime. Propriété et cultures d'après les compoix. Paris, 1958.

¹³¹ Soboul A. La France à la veille de la Révolution, t. I. Economie et société. Paris, 1966; 2e éd., 1974; см. также: Soboul A. Paysans, Jacobins et Sans-culottes. Essais d'histoire révolutionnaire. Paris, 1966* (сб. статей).

¹³² Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. Paris, 1962; 2e éd., 1964; *Idem*. La civilisation et la Révolution française. La crise de l'Ancien régime. Paris, 1970; см. также: *Idem*. La Première République. Paris, 1968 (рус. пер.: Собоуль А. Первая республика/Под ред. А. З. Манфреда. М., 1976).

¹³³ Lefebvre G. Les études orléanaises. Paris, 1962—1963. *Vol. 51, II; *Idem*. Cherbourg à la fin de l'Ancien régime. Caen, 1965; *Idem*. La naissance de l'historiographie moderne; *Idem*. La France sous le Directoire. Paris, 1977 (в подготовке издания этой книги участвовал Ж. Б. Сюратто).

¹³⁴ Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française. Edition revue et annotée par Albert Soboul. Paris, 1968—1972. Vol. I—VI.

¹³⁵ Письмо А. Собоуля автору от 29 июня 1967 г.

на его формирование как историка-марксиста наибольшее влияние оказали Ж. Брюа, Э. Терсен и Ж. Дотри¹³⁷. Свою докторскую диссертацию Виллар готовил под руководством Э. Лабрусса. Совершенно новой была сама тема исследования. Не только в XIX, но и в первой половине XX в. такая тема для докторской диссертации была бы еще совершенно неприемлемой для «сорбоннаров». Только Жорес и тут совершил смелый прорыв. Еще в 1892 г. он представил — и притом на латинском языке! — диссертацию на тему о первых немецких проявлениях социалистической мысли у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля¹³⁸.

Самая тема, избранная Жоресом, не может не вызвать некоторого изумления, и объясняется это, верно, тем, что он тогда только начинал знакомиться с теорией научного социализма. О некоторых социалистических идеях можно говорить лишь по отношению к Фихте, автору «Замкнутого торгового государства», да и то В. П. Волгин, изучавший социальные идеи Фихте, категорически отказывался считать его социалистом¹³⁹. Во всяком случае Жоресу, этому искреннейшему последователю социалистических идей, принадлежала несомненная заслуга первым сделать историю социалистической мысли темой университетского исследования. Однако почти до середины XX в., хотя роль рабочего, массового социалистического и коммунистического движения во Франции стала исключительно велика, серьезных исследований по его истории, написанных во всеоружии новейших методов науки, не было¹⁴⁰. Именно таким исследованием и явилась монография К. Виллара.

Другим серьезным достижением марксистской историографии явилось исследование Клода Виллара «Социалистическое движение во Франции (1893—1905). Гедисты»¹³⁶, защищенное с успехом в качестве докторской диссертации.

Клод Виллар (род. 1922) уже очень рано был связан с демократическим движением. Его отец, Марсель Виллар, был видным прогрессивным адвокатом, защитником Георгия Димитрова на знаменитом лейпцигском процессе и французских депутатов-коммунистов в 1940 г. Вместе с отцом Виллар впервые посетил СССР еще в 1934 г. и побывал на Магнитогорском комбинате, тогда только вступившем в строй. Участник Сопротивления, он в феврале 1944 г. вступил во Французскую компартию.

Во время пребывания в Сорбонне он готовил свой университетский диплом о Бабефе под руководством Ж. Лефевра. Кстати, изданные им и Жерменой Виллар Избранные произведения Бабефа произвели очень хорошее впечатление на В. П. Волгина. Как сообщает сам Виллар,

¹³⁶ Willard Cl. Le mouvement socialiste en France (1893—1905). Les guesdistes. Paris, 1965.

¹³⁷ Из письма К. Виллара автору от 7 декабря 1977 г.

¹³⁸ Jaurès J. De primis socialismi germanici lineamentis apud Lutherum, Kant, Fichte et Hegel Paris, 1892.

¹³⁹ Противоположную точку зрения в советской литературе отстаивала Ю. Я. Мошковская, считавшая, что на Фихте серьезное влияние оказали идеи Бабефа (см. Мошковская Ю. Я. Отклики на процесс Бабефа в Германии — В кн. Французский ежегодник, 1960. М., 1961)

¹⁴⁰ Известным исключением можно считать только серьезную работу Жана Метрона, посвященную истории анархистского движения (Maitron J. Histoire du mouvement anarchiste en France, 1880—1914. Paris, 1951) Работы Лигу (Ligou D. Histoire du socialisme en France, 1871—1961. Paris, 1962) и Ж. Лефранка (Lefranc G. Le mouvement socialiste sous la Troisième République, 1875—1940 Paris, 1963) носят более общий характер и не являются докторскими диссертациями.

«Гедисты» поражают прежде всего исключительным богатством самой разнообразной документации, по большей части впервые использованной (перечень источников и библиография занимают 76 страниц¹⁴¹). Виллар изучил материалы о Рабочей партии в Национальном архиве (особенно знаменитую серию F⁷ — «Police générale»). Первым — или во всяком случае одним из первых — он использовал интереснейший архив префектуры парижской полиции. Виллар ознакомился, кроме того, и с архивами 74 департаментов. Он использовал личные фонды Ж. Геда (и коллекцию, собранную его внуком), К. Каутского, Э. Бернштейна, В. Либкнехта в Амстердамском институте социальной истории, П. Лафарга — в Институте марксизма-ленинизма в Москве, богатейший фонд видного гедиста Шарля Брюнеллера (80 томов переписки!) в Парижском институте социальной истории; архивы Габриэля Девилля и Люсьена Роллана в личной коллекции Мориса Домманже. Исключительную ценность представляет изучение локальной общесоциалистической и гедистской прессы — никто до Виллара не брал на себя выполнение этой задачи, которую он осуществил с поразительной тщательностью и полнотой. Им изучена была пресса по 42 департаментам, в том числе и самые эфемерные издания, не пошедшие дальше нескольких номеров. Эта богатейшая документация дала возможность К. Виллару написать исчерпывающее исследование — и притом наиболее объективное — о развитии гедизма в самый интересный период его истории, между 1893 и 1905 гг., до создания объединенной социалистической партии. Ни в одной из стран Западной Европы — даже в Германии — нет таких исчерпывающих исследований по истории социал-демократии; и книга Виллара с полным правом может рассматриваться как эталон для создания в будущем таких монографий. Особенно значенное имело изучение Вилларом социального состава партии и ее избирателей, попытка исследования «роли структуры рабочего класса в развитии идеологии». Этим вопросам — «имплантации партии» — посвящен большой раздел книги (четыре главы). Большой интерес представляет исследование тактики Рабочей партии во время дела Дрейфуса — Виллар первым осветил разногласия, возникшие в это время между Гедом и Лафаргом.

¹⁴¹ Willard C. Le mouvement socialiste en France, p. 669—745.

Руководителем исследования Виллара, как уже отмечалось, был Эрнест Лабрусс, ставший вслед за Марком Блоком заведующим кафедрой экономической истории в Сорбонне. Лабрусс в этот период играл крупнейшую роль в направлении исследований во Франции в области социально-экономической истории. С разных сторон на развитие науки и ее прогресс в эти годы влияли такие виднейшие историки, как Жорж Лефевр, Эрнест Лабрусс, Фернан Бродель. Нам представляется, что 50-е — первая половина 60-х годов были для исторической науки во Франции исключительно плодотворным периодом. Но во второй половине 60-х годов и особенно в 70-х годах во французской исторической науке, при всем ее общем поступательном движении, появляются новые тенденции, идущие вразрез с теми традициями, которые вырабатывались во весь предыдущий рассмотренный нами период.

V.

Те основные тенденции во французской исторической науке 50-х годов, которые мы анализировали, получили свое дальнейшее развитие в 60—70-х годах. Мы приведем здесь только несколько примеров ценных исследований, по преимуществу в области социально-экономической истории, свидетельствующих о дальнейшем поступательном движении, об общем высоком уровне французской исторической науки, большой тщательности в технике исследования. Из числа медиевистов нельзя не упомянуть Жоржа Дюби, пожалуй крупнейшего из всех продолжателей Марка Блока. Уже его докторская диссертация, посвященная деревне района Маконнэ, показала, что Дюби является глубоким знатоком французской средневековой деревни¹⁴². Вышедший через 8 лет обобщающий труд о деревенской экономике средневекового Запада укрепил эту репутацию Ж. Дюби¹⁴³. Его работы — Дюби

¹⁴² DUBY G. La société aux XI et XII siècles dans la région mâconnaise Paris, 1954; 2e éd., 1973.

¹⁴³ DUBY G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval (France, Angleterre, Empire IX—XV siècles). Paris, 1962; 2e éd., 1970. Из новейших работ Дюби, появившихся в 70-е годы, отметим: DUBY G. Hommes et structures du moyen âge. Paris, 1973; *Idem*. Guerriers et paysans VII—XII s. Premier essor de l'économie européenne. Paris, 1973; *Idem*. Le dimanche de Bouvines. Paris, 1973; *Idem*. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. Paris, 1978. См. также: Бессмертный Ю. Л. Три новые книги Ж. Дюби. — В кн.: Средние века. М., 1975, вып. 39.

является сейчас членом Института (Академия наук) — высоко оцениваются всей французской историографией, хотя отдельные его положения и подвергаются критике¹⁴⁴.

Со времени появления ценнейшего исследования, хотя и локального, но имевшего большое значение для понимания путей исторического развития всей страны, — мы имеем в виду «Крестьян Севера...» Жоржа Лефевра — во Франции в указанные годы появился ряд новых монографий, посвященных отдельным департаментам и даже районам, но обладающих в той или иной мере достоинствами, присущими классической книге Лефевра. К числу таких монографий, безусловно, может быть причислено обширное исследование Пьера Губера, посвященное южной части Пикардии — Бове и его району в XVII и начале XVIII в.¹⁴⁵ Некоторые французские ученые (например, Пьер Шоню — мы еще подробнее будем говорить о нем) считают главной заслугой Губера изучение демографических процессов и использование с этой целью архивов деревенских приходов, ранее не разрабатывавшихся. Они видят в Губере лишь одного из основоположников исторической демографии, чрезвычайно развившейся во Франции в середине XX в. Нисколько не отрицая этих его заслуг, мы придерживаемся несколько иной точки зрения, высказанной нами еще в 1963 г.: «Для понимания социально-экономических процессов, происходивших в Пикардии, большой интерес представляют исследования, опубликованные в последние годы П. Губером... они дают превосходный материал для характеристики истории формирования капиталистических отношений в Пикардии»¹⁴⁶. Не случайно, что так называемая дополнительная диссертация Губера была посвящена двум «капиталистическим семьям», ярким представителям мануфактурной стадии капиталистической промышленности во Франции¹⁴⁷.

Более поздний период — XVIII в. — и аграрные отношения, сложившиеся в северной Бургундии, освещает

¹⁴⁴ Бессмертный Ю. Л. Предпосылки и характер крестьянских движений во Франции XIV в. — В кн.: Французский ежегодник, 1974. М., 1976; *Он же*. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. М., 1969, гл. IV, § 5. ♣

¹⁴⁵ Goubert P. Beauvais et Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France au XVII siècle. Paris, 1960.

¹⁴⁶ Далли В. Графх Бабеф накануне и в годы Великой французской революции (1785—1794). М., 1963, с. 63.

¹⁴⁷ Goubert P. Familles marchandes sous l'Ancien régime: les Danse et les Motte de Beauvais. Paris, 1959.

прекрасная монография П. Сен-Жакоба¹⁴⁸, вышедшая, к сожалению (как в свое время ценный труд Шарля Балло о французской промышленности в XVIII столетии), уже посмертно. Вопрос о «феодальной реакции», ставший теперь чрезвычайно дискуссионным¹⁴⁹, в книге Сен-Жакоба получил совершенно точное, объективное, научное отражение.

Опыт освещения всей многовековой аграрной истории Франции дан в четырехтомнике, опубликованном под общей редакцией Жоржа Дюби¹⁵⁰.

Внимание виднейших французских историков, как и в предыдущие периоды, было сосредоточено по преимуществу на изучении аграрной истории Франции, на судьбах французской деревни. Одним из немногих счастливых исключений явилась работа П. Дейона, посвященная, как и исследование П. Губера, Пикардии — ее столице Амьену¹⁵¹. Эта «столица шерсти», как ее называл А. Деманжон, давно заслуживала специального изучения, и оно с успехом было осуществлено П. Дейоном.

Локальные процессы освещает и лучшее после «Гедистов» Клода Виллара исследование по истории рабочего и социалистического движения во Франции — монография Роланды Трампе, посвященная горнякам Кармо, района, с которым связана была и деятельность Жана Жореса¹⁵². По исключительной тщательности обработки и богатству материалов об экономическом положении шахтеров этого района двухтомное исследование Р. Трампе заслуживает самой высокой оценки. Отметим также двухтомную работу Мишель Перро, тщательно исследовавшую историю стачечного движения во Франции в 1880—1890 гг.¹⁵³

¹⁴⁸ Saint-Jacob P. Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien régime. Dijon, 1960.

¹⁴⁹ См., например: *Le Roy Ladurie E.* Revoltes et contestations rurales en France de 1675 à 1788. — Annales, 1974, Janv. — Févr.

¹⁵⁰ L'histoire de la France rurale; Vol. 1—4. Paris, 1975—1977. Vol. 1. La formation de la campagne française des origines à 1340; Vol. 2. L'âge classique des paysans de 1340 à 1789; Vol. 3. Apogée et crise de la civilisation paysanne de 1789 à 1914; Vol. 4. La fin de la France paysanne de 1914 à nos jours. Подробный критический обзор этого издания см.: *La Pensée*, 1977, N 194.

¹⁵¹ Deyon P. Etude sur la société urbaine au XVII siècle. Amiens, capitale provinciale. Paris, 1967.

¹⁵² Trémpe R. Les mineurs de Carmaux. 1848—1914. Paris, 1971. Vol. I, II.

¹⁵³ Perrot M. Les ouvriers en grève. France, 1871—1890. Paris, 1974. Общий уровень работ по истории социализма во Франции (см.

На примере Л. Февра и Ф. Броделя мы уже видели, какой большой интерес проявляли французские историки XX в. к изучению истории Испании. Эта тема — опять же в несколько ограниченном масштабе одной, но, правда, важнейшей испанской провинции, Каталонии — была разработана Пьером Виларом в его трехтомном фундаментальном исследовании «Каталония в Испании нового времени: Исследования экономических основ национальных структур»¹⁵⁴. Уже само название диссертации ясно говорит о методологических основах, из которых исходил Вилар, выступивший на XI Международном историческом конгрессе в Стокгольме (1960) с докладом «Экономический рост и исторический анализ». Вилар — ученик и продолжатель Э. Лабрусса, который после своего перехода на пенсию передал ему руководство кафедрой в Сорбонне и созданным им Институтом экономической и социальной истории. Диссертация Вилара принадлежит к числу лучших исторических трудов, изданных во Франции во второй половине XX в. Большой интерес Вилара к методологическим проблемам¹⁵⁵, та принципиальность, с которой он отстаивает историческую концепцию Маркса, за-

воевали ему большой авторитет во французских научных кругах и свидетельствуют о росте влияния идей марксизма.

Однако со второй половины 60-х годов и особенно в 70-х годах все более проступает и новая тенденция, яснее всего представленная в работах представителей «третьего поколения» «Анналов». Именно на их работах мы и хотим остановиться в этой последней части нашего обзора, посвященной судьбам школы «Анналов». Заранее оговариваем, что вследствие этого мы оставляем в стороне ряд интересных и ценных работ и в области международных отношений (в том числе исследования виднейшего ученика П. Ренувена — Ж. Б. Дюрозелля), и в области чисто политической истории (например, работы, вышедшие из школы Ф. Гогеля), и исследования из области культурной истории (интересные работы Р. Мандру и др.).

Мы начнем эту часть нашего обзора с монографии, вызвавшей к себе, с одной стороны, большой интерес, положительные и даже восторженные отзывы, а с другой — критические и вполне справедливые замечания. Речь идет о докторской диссертации «Крестьяне Лангедока» Эммануэля Леруа-Ладюри¹⁵⁶, играющего большую роль в современной французской исторической науке, в том повороте, который осуществляет новое поколение «Анналов»¹⁵⁷. Родившийся в Нормандии в 1929 г. Леруа-Ладюри в ранней молодости был фанатичным католиком. Так, он участвовал в крестном ходе с участием будущего папы Пия XII по поводу канонизации одной из новых святых. У него было тогда даже намерение стать священником. Но трагические судьбы Франции сказались и на его жизненном пути. В 1949 г. Леруа-Ладюри становится коммунистом — в этот период большое влияние на него оказывал уже упоминавшийся нами Жан Брюа, известный французский историк-коммунист¹⁵⁸. В 1953—1963 гг. Леруа-

¹⁵⁶ *Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. Paris, 1966.*

¹⁵⁷ *Stoianovich T. French Historical Method. The Annales Paradigm. Cornell University Press/With a foreword by F. Braudel. Ithaca a London, 1976.* «Вторым поколением» «Анналов» Стоянович считает период 50—60-х годов, когда во главе журнала и всей «школы» стал Фернан Бродель. Леруа-Ладюри представляет «третье поколение» «Анналов».

¹⁵⁸ Автор ряда ценных работ, в том числе биографии Ленина (1960; 3-е изд., 1976), Маркса и Энгельса (1970; 2-е изд., 1971), «Eugène Varlin» (1975), «Gracchus Babeuf et les Egaux» (1978); специалист по истории Парижской Коммуны, один из редакторов коллективного труда «La Commune de Paris» (1970).

работы Д. Лигу, Ж. Лефранка и т. д.) все же еще недостаточно высок. Показательно, что лучшие биографии виднейших деятелей французского социалистического движения написаны зарубежными историками (Г. Гольдбергом о Жоресе; Ж. Зибурой о Леоне Блюме). Отметим вышедшую под редакцией Ж. Дроза четырехтомную историю социализма (*Histoire générale du socialisme/Publiée sous la direction de J. Droz. Paris, 1972—1978. Vol. 1—4.* Ценнейшим пособием является многотомный «Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français» (Paris, 1965. Vol. 1—), выходящий под редакцией Жана Метрона. Укажем также ценный журнал, основанный Ж. Метроном, «Le mouvement social» (вышло уже свыше ста номеров), посвященный истории социализма. В настоящее время его редактором является знаток истории французского социализма Мадлена Реберу.

¹⁵⁴ *Vilar P. La Catalogne dans l'Espagne moderne: Recherches sur les fondements économiques des structures nationales. Paris, 1962. Vol. 1—3.*

¹⁵⁵ См., например: *Vilar P. Marxisme et l'histoire.— Studi storici, 1960, N 5; Idem. Histoire sociale et philosophie d'histoire.— La Pensée, 1964, N 118; Idem. Pour une meilleure compréhension entre économistes et historiens.— Revue historique, 1965, avril — juin; Idem. Histoire marxiste, histoire en construction.— Annales, 1973 (перепечатано в кн.: Faire l'histoire. Sous la direction de Jacques Le Goff et Pierre Nora. Paris, 1974. Vol. 1) и т. д. Сборник статей П. Вилара издан в Италии (*Vilar P. Lo sviluppo economico storico. Bari, 1970*). См. также беседу с П. Виларом в кн.: *Aujourd'hui l'histoire*, p. 121—131.*

Ладюри преподает сперва в лицее, а потом в университете Монпелье. С 1956 г. начинает публиковать свои научные статьи — к этому времени он покидает компартию. Позднее он объяснил это не тем, что рвет с Марксом («я всегда считал, что общий подход марксизма чрезвычайно плодотворен»), а тем, что его отталкивали «слишком прямолинейные взгляды» (*le grédo précis*) сторонников марксизма¹⁵⁹. Одна из его первых статей в «*Annales*», появившаяся в 1959 г., была посвящена климату и истории. Климатология и демография (в частности, «зловещие секреты», ограничивающие деторождение) являются темой и ряда других статей в 60-х годах¹⁶⁰. В 1962 г. появляется его «История Лангедока», и, наконец, его диссертация, опубликованная в 1966 г., закрепляет за ним широкую известность. Почти одновременно, в 1967 г., он публикует и интересное исследование по истории климата¹⁶¹.

Монография Э. Леруа-Ладюри представляет собой, несомненно, оригинальное, не стандартное исследование. В нем использован ценный источник — «*comproix*» (регистры, описи, составившиеся при взимании «*taille réelle*»). «*Comproix*» эти в некоторых местностях Лангедока велись с XIV столетия; их использование и обработка потребовали многолетнего труда. Автор проявил большую осведомленность в специальных вопросах климатологии, гляциологии, ботаники, почвоведения. Книга прекрасно написана, в ней бьется новая мысль. Но стремление быть всегда оригинальным хотя и придает большой интерес и «*Крестьянам Лангедока*» и другим работам Ладюри, но часто приводит пусть к эффективным, но поспешным и непроверенным выводам. К тому же на «*Крестьянах Лангедока*» отрицательно сказался тот пересмотр мировоззрения, который происходил в течение этого десятилетия у Ладюри. Как он сам пишет в предисловии, он начал работу, увлеченный стремлением изучить на примере лангедокской деревни «происхождение капитализма» (*les origines du capitalisme*). Но по мере изучения фактического материала (и — добавим — изменения всей его общей концепции) он в корне

пересматривает свою точку зрения. Запутанный, сложный, крайне противоречивый материал как бы «сбил с ног» Ладюри, и он пришел к выводу, совершенно противоположному его начальному тезису, — выводу, сформулированному им в параграфе, озаглавленном «*Выкидыш капитализма*»¹⁶². Капиталистические отношения не получили, по его мнению, дальнейшего развития. Вот почему с 1958 г. историк принял решение отказаться от рассмотрения проблем собственности. Бросается в глаза расхождение между работами русских историков Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого, между классическим трудом Ж. Лефевра «*Крестьяне Севера...*» и «*Крестьянами Лангедока*». В своем содержательном отзыве на монографию Леруа-Ладюри советские историки А. Д. Люблинская и В. Н. Малов указали крупный недостаток книги — «отсутствие главы о социальной структуре»¹⁶³. Как видим, этот недостаток отнюдь не был случаен.

С огромным интересом Леруа-Ладюри рассматривает зато демографические процессы. «Один фактор господствует, — пишет он, — увь, демография»¹⁶⁴. Недаром весь второй раздел книги озаглавлен «*Renaissance malthusienne*» («*Мальтузианский ренессанс*»). Правда, по мнению Леруа-Ладюри, в тот момент (1798), когда появился труд Мальтуса, для Франции и Лангедока он уже утратил свое значение — уже начался период подъема, и «ножницы» между ростом населения и отсутствием экономического прогресса постепенно исчезают. Но для «отсталых обществ» взгляды Мальтуса были совершенно правильными, а Лангедок с XV и почти до середины XVIII в. переживал, по мнению Ладюри, именно период «отсутствия роста»: при непрерывном демографическом взлете — полная «неподвижность» в развитии техники (*immobilisme technologique*), «окоченение» (*rigidité*) сельскохозяйственной продукции¹⁶⁵. Несколько лет спустя этот вывод Леруа-Ладюри перенесет на всю Францию и почти на всю Западную Европу в своей известной вступительной лекции в Collège de France — «*Histoire immobile*» («*Неподвижная история*»), но впервые это положение он сформулировал на примере Лангедока.

¹⁵⁹ См.: *Le Monde*, 1973, 21 juin. Беседа с Леруа-Ладюри заканчивается словами: «Есть что-то магическое в этом молодом человеке с седыми волосами, с взглядом, напоминающим лукавого священника (un air de clerguiman malicieux)».

¹⁶⁰ *Le Roy Ladurie E. Démographie et funestes secrets: le Languedoc.* — ANRF, 1966.

¹⁶¹ *Le Roy Ladurie E. Histoire du climat depuis l'an mil.* Paris, 1967.

¹⁶² *Le Roy Ladurie E. Les paysans du Languedoc. Deuxième partie. Renaissance malthusienne. Chapitre V. Avortement d'un capitalisme*, p. 326—328.

¹⁶³ Средние века. М., 1971, вып. 34, с. 318—323.

¹⁶⁴ *Le Roy Ladurie E. Les paysans du Languedoc*, p. 328.

¹⁶⁵ *Ibid.*, p. 630—640.

Свое стремление обязательно представить свой собственный, оригинальный «новый» подход Ладюри проявил и в вопросе о народных, крестьянских движениях в Лангедоке, в своей трактовке знаменитого движения камизаров в начале XVIII в. Весь этот раздел в книге назван «Дикое восстание» («Les rébellions sauvages»). Когда-то по поводу книги Н. И. Кареева о «Крестьянах во Франции» П. Л. Лавров писал: «Западный историк может лучше понять то, что относится к населению городскому; русские же исследователи могут яснее и *сочувственнее* (курсив наш. — В. Д.) обработать... другую долю, которая принадлежит населению земледельческому»¹⁶⁶. И как раз этого «сочувствия» у Ладюри нет ни следа.

Маркс говорил о двух типах крестьянского движения, реакционном и передовом, Вандее и Севеннах, имея в виду именно движение камизаров. Но Леруа-Ладюри дает ему совершенно иное освещение. Душой движения он считает «конвульсионеров», людей, подверженных судорогам («convulsions»). Более того, он полагает, что кризисы индивидуальной и коллективной истерии преследуемых крестьян-гугенотов сопровождалась «мазохистским (!) чувством виновности»¹⁶⁷. Рисуя портрет одного из вожаков движения, ткача Эспри Сегье (виновного якобы в молодости в изнасиловании девочки), который на костре зубами оторвал часть руки, оставшуюся у него после того, как палач отрубил половину ее, Леруа-Ладюри видит в этом «героический, но весьма мазохистский акт»¹⁶⁸. Война камизаров начинается «сновидениями, конвульсионным безумием (*délire convulsionnaire*), убийствами, кастрациями. Такие побуждения в большинстве случаев появляются по иррациональным мотивам». Их руководители подлежали бы прежде всего попечению врачей-психоаналитиков¹⁶⁹. В конечном счете Леруа-Ладюри видит в движении камизаров смесь «пророческого певроза и антиналогового протеста». Но «неврозу» он уделяет 16 страниц (611—627), а антиналоговому протесту — только две (627—629)!

Описывая в еще более гнетущих тонах «карнавал в Романе» (1580), Леруа-Ладюри отмечает, что «через все народные движения того времени... красной нитью прохо-

дит тема похищения бедняками жен богачей и дворянских девушек», чему в Романе должно было предшествовать — по свидетельству одного составителя хроники, которое Ладюри приводит, хотя и сам считает его некоторым преувеличением, — убийство собственных жен¹⁷⁰.

Такова картина «*rebellions sauvages*». Совершенно правы А. Д. Люблинская и В. Н. Малов, отмечая, что «пророчество, колдовство, массовый гипноз и массовый психоз, действия полубезумных... — все это описано с почти клинической точностью. Классовая и социальная борьба тонет в стихии подсознательного, в апокалиптических видениях, в возбуждавших массы патологических эксцессах». Но историк «не может превращаться в психиатра». Между тем Леруа-Ладюри так и поступает, изображая движение камизаров как «разгул религиозного фанатизма и подсознательного начала»¹⁷¹.

В 1972 г. в связи с появлением кинофильма Рене Аллио «*Les maquisards du Dieu*» Ладюри повторил в еще более резкой форме свою оценку движения камизаров. Он осуждает стремление «прикрыть стыдливым занавесом аспекты безумия в лангедокском восстании, которым руководил Жан Кавалье. Молодой Фрейд объяснял это истерическое поведение сексуальным торможением, столь развитым в действительности у гугенотов, яansenистов и пуритан». Аллио показал в своем фильме, по словам Леруа-Ладюри, что «никогда народная война не была в социальном отношении менее революционной, чем эта»¹⁷².

«Крестьяне Лангедока» (как и книга о климате) принесли автору широкую известность. Еще до ее выхода в свет в 1963 г. он переезжает из Монпелье в Париж, где начинает работать в ставшей знаменитой VI секции Высшей школы практических исследований¹⁷³, созданной в 1946 г. Люсьеном Февром, а после его кончины руководимой со всем присущим ему организационным талантом и высоким научным авторитетом Фернаном Броделем. Леруа-Ладюри становится постепенно одним из членов «*Staff*» — штаба «анналистов». В 1967 г. он отправляется в Соединенные Штаты как «*visiting professor*». Но эта поездка и вынесенные им впечатления связаны уже с новым явлением во французской исторической науке — появлением

¹⁶⁶ Лавров П. Л. История Франции под пером новых русских исследователей — Соч., Пг., 1918, вып. IX, с. 101.

¹⁶⁷ *Le Roy Ladurie F. Les paysans du Languedoc*, p. 624.

¹⁶⁸ *Ibid*, p. 625.

¹⁶⁹ *Ibid*, p. 627.

¹⁷⁰ *Ibid.*, p. 398.

¹⁷¹ Средние века. М., 1971, вып. 34, с. 393.

¹⁷² *Le nouvel observateur*, 1972, N 379.

¹⁷³ См. о ней: *Storjanovich T. Op. cit.*

математической, «вычислительной школы» или, точнее, как нам представляется, с французским ответвлением американской «квантитативной» школы «New Economic History», так называемых «клиометристов».

VI

Как мы видели, уже на рубеже XIX—XX вв. в значительной мере под влиянием «Социалистической истории» Жореса во Франции начинает расти интерес к экономической истории. В первой трети столетия об этом наглядно свидетельствуют труды Озе, А. Сэ, «Дороговизна и социальное движение во время террора» Альбера Матьева, в особенности работы Ж. Лефевра. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. в сильнейшей степени укрепил эту тенденцию. «Анналы» Марка Блока и Люсьена Февра, исследования Франсуа Симиана и особенно Эрнеста Лабрусса знаменовали новую фазу в развитии французской исторической науки. Эта тенденция доминировала и после освобождения Франции, в конце 40-х и в 50-е годы. «Эрнест Лабрусс, — констатировал недавно Жан Бувье, один из виднейших исследователей экономической истории Франции, — с 1943 г. и до последних лет был наиболее плодотворным инициатором исследований по экономической и социальной истории. . . Он определял их главное направление. Я горжусь тем, что был его учеником»¹⁷⁴. О сравнительно высоком уровне изучения экономической истории во Франции можно судить по ряду ценных трудов того же Жана Бувье по истории французских банков, в которых впервые были использованы архивы «Лионского кредита» и других банков¹⁷⁵, П. Леона по истории индустрии¹⁷⁶, Ж. Мевре о продовольственной проблеме¹⁷⁷,

¹⁷⁴ *Bouvier J.* Tendances actuelles des recherches d'histoire économique et sociale en France. — In: *Aujourd'hui l'histoire*, p. 134.

¹⁷⁵ *Bouvier J.* Le Crédit Lyonnais de 1863 à 1882. Paris, 1961. Vol. 1, 2; *Idem.* Le krach de l'Union générale, 1878—1889. Paris, 1960; *Idem.* Les Rotschild. Paris, 1960; *Бувье Ж.* Учреждение отделения Лионского кредита в царской России и предыстория русских займов. — В кн.: Французский ежегодник, 1961. М., 1963; *Он же.* Капиталистическая прибыль во Франции в XIX в. — В кн.: Французский ежегодник, 1968. М., 1970.

¹⁷⁶ *Léon P.* La naissance de la Grande industrie en Dauphiné. Paris, 1954. По замыслу и под общей редакцией П. Леона (1914—1976) во Франции выходит сейчас шеститомная «Histoire économique et sociale du monde».

¹⁷⁷ Сборник важнейших статей Ж. Мевре (1901—1971) вышел уже посмертно (*Mevret J.* Etudes d'histoire économique. Paris, 1971).

уже упомянутые нами превосходная монография П. Видара об экономическом развитии Каталонии, труды П. Губера и т. д. Характерной чертой большинства этих исследований являлось то, что экономическая история не отрывалась от общей истории, от истории классовой борьбы.

Положение, однако, изменилось к середине 60-х годов и даже несколько раньше. Труды Симиана и Лабрусса выходили в период кризиса; в них — особенно у Симиана — основное внимание было сосредоточено на конъюнктуре, на сопоставлении цен и денежных ресурсов, — отсюда упомянутая нами концепция смен фаз А и Б в зависимости от колебания цен. Эта схема, навязанная экономической 30-х годов, долгое время преобладавшая в исследованиях французских историков (того же, например, П. Губера), являлась явно недостаточной и в целом неточной. Но к 60-м годам мировой, и в особенности американский, капитализм, как казалось, вступил в фазу устойчивого, непрерывного роста, и это повлияло на представления некоторых экономистов и историков не только о развитии современного им капитализма, но и о всех предшествующих его фазах. Типичным трудом этой эпохи явился пресловутый «антикоммунистический манифест» Росту и его теория стадий экономического роста¹⁷⁸. Но появление этой теории совпало и с научно-технической революцией, и с применением в изучении истории электронно-вычислительных машин.

В результате в Соединенных Штатах — а вслед за ними и во Франции — стала приобретать все большее значение количественная, «квантитативная» школа в экономической истории, разрабатывавшая концепцию непрерывного экономического роста, по крайней мере с середины XVIII в. Одним из основоположников этой школы в США был профессор Гарвардского университета Симон Кузнец, уже в 30—40-е годы опубликовавший ряд работ о национальном доходе в Соединенных Штатах, сначала в XX, а затем и в XIX в., в которых он стремился математическими методами обосновать «модель» непрерывного роста¹⁷⁹. Симон Кузнец содействовал и финансированию

¹⁷⁸ *Rostow W.* The Stages of Growth. A non-communist Manifest. Cambridge, 1960.

¹⁷⁹ *Kusnets S.* National Income and its Composition, 1919—1938. New York, 1941. Vol. 1, 2; *Idem.* National Product since 1869. New York, 1946.

французской группы под руководством Яна Марчевского, которая в 1956 г. приступила к построению французской «модели» роста экономики в национальном масштабе¹⁸⁰. Эта инициатива была поддержана Ф. Перру (Perroux), возглавлявшим Институт прикладной экономики (Institut de science économique appliquée). В результате на протяжении 1961—1969 гг. было опубликовано девять выпусков «Кантитативной истории французской экономики» («Histoire quantitative de l'économie française»).

Мы ни в какой мере не намерены отрицать крупнейшее значение применения математических методов в исторической науке. Наши возражения направлены только против того, чтобы исследования «кантитативной» школы в экономической истории имели определенную «сверхзадачу» — оторвать чисто экономическую историю от истории социальной, от эволюции классовых отношений. Как правильно отметил Ж. Бувье, такой подход к чисто экономической истории «давал возможность, соблюдая утонченно-научную видимость, создавать апологетическую историю вечного роста вечного капитализма»¹⁸¹. Такой же критике подверг методологический подход Марчевского и П. Вилар¹⁸².

Все логические выводы из концепции и методов «кантитативистов» сделало новое направление в американской историографии — так называемых «клиометристов» — «New Economic History». Как отмечает Н. Н. Болховитинов, впервые этот термин появился в конце 1960 г. Это направление один из его виднейших представителей, Дуглас Норт, охарактеризовал как «революцию» в экономической историографии Соединенных Штатов¹⁸³. К этому времени американские историки получили возможность использовать достаточно мощную электронно-вычислительную технику. Так, например, авторы шумевшего двухтомного исследования «Время на кресте» Робер Уильям Фогел (один из основоположников «клиометрической революции») и Стэнли Л. Энгерман имели в своем распоряжении десят-

ки высококвалифицированных исследователей, собиравших черновой материал, систематизировавших его, составлявших программы для вычислительных машин. «Без преувеличения можно сказать, — пишет Н. Н. Болховитинов, — что Фогел и Энгерман стояли во главе своеобразной фабрики, отдельными цехами которой руководили известные „клиометристы“ Р. Галлман, У. Паркер, Д. Сван, Р. Сатг, Дж. Фоуст и др.»¹⁸⁴ Это исследование пришло к поистине сенсационному — и более чем спорному — выводу, что вплоть до гражданской войны в США плантаторское рабовладельческое хозяйство, вопреки всем обычным представлениям, стояло на самом высоком уровне развития.

В своем стремлении доказать непрерывность и имманентность роста они выдвинули гипотезу, согласно которой никакие внешние факторы не подталкивали и не ускоряли этого роста («counter-factual hypothesis»). В частности, тот же Фогел выступил против общепринятого и в общем бесспорного тезиса о крупнейшей роли, которую сыграло в середине XIX в. железнодорожное строительство: «Не паровая машина и не паровоз, а усилия фермера и старое рабство, остававшееся совершенно рентабельным до своего последнего вздоха, создали американское богатство в прошлом столетии»¹⁸⁵. Это положение, которое представители «New Economic History» попытались обосновать в ряде трудов, даже видный французский «кантитативист» Пьер Шоно — мы еще будем о нем говорить — назвал «абсурдным»¹⁸⁶. Американские «клиометристы» доказывали также, что исход гражданской войны 60-х годов, ликвидация рабовладения вызвали не рост американского капитализма, а скорее регресс в его развитии.

Ряд видных французских историков — П. Вилар, А. Собыль, Ж. Бувье — отнеслись крайне скептически к этим положениям «New Economic History», какими бы эффектными математическими выкладками, графиками, таблицами они ни обосновывались. «Демография, экономика являются только одной из составных частей исторического объяснения, — подчеркивал Альбер Собыль, — нельзя исклю-

¹⁸⁰ *Marczewski J.* Introduction à l'histoire quantitative. Genève, 1965, p. 40.

¹⁸¹ *Bouvier J.* Tendances actuelles des recherches d'histoire économique et sociale en France, p. 142.

¹⁸² *Vilar P.* Pour une meilleure compréhension entre historiens et économistes. «Histoire quantitative» ou économétrie retrospective. — *Revue historique*, 1965, avril—juin.

¹⁸³ *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980, гл. 4. Плантационное рабство.

¹⁸⁴ *Болховитинов Н. Н.* Клиометристы и рабство в США (о книге Р. У. Фогела и С. Л. Энгермана «Время на кресте»). — Новая и новейшая история, 1976, № 3, с. 170.

¹⁸⁵ *Le Roy Ladurie E.* Le territoire de l'historien, p. 19. См. также указанные работы Н. Н. Болховитинова.

¹⁸⁶ *Chaunu P.* Dépassement et prospective, p. 65.

чать из него людей. Изучая, например, вложения капитала, нельзя в то же время не заниматься теми, кто осуществлял эти вложения. Под влиянием американской «New Economic History» экономическая абстракция (Собуль явно имел в виду Я. Марчевского и его последователей. — В. Д.) завоевывает почву во французской исторической школе. Экономическая история сводится к статистике, индексам, графическим изображениям, на нее все больше влияют концепции и техника чисто экономических исследований, связанных с настоящим. „Модели“, выработанные для современности, систематически переносят на прошлое. История обезчеловечивается — она теряет при этом свою душу»¹⁸⁷.

Однако идеи «количественной истории», основанной на применении исключительно математических методов, и основные положения «New Economic History» нашли самую восторженную поддержку Эммануэля Леруа-Ладюри, по бывавшему, как уже отмечалось, в 1967 г. в Принстонском университете, и другого представителя «третьего поколения» «Анналов», Франсуа Фюре. В своей книге «Территория историка», вышедшей в 1973 г., Леруа-Ладюри объединил все свои выступления по этому вопросу в первом разделе книги, озаглавленном «Количественная революция в истории»¹⁸⁸.

«В течение последних десяти лет,— заявил Леруа-Ладюри в 1967 г.,— экономическая и количественная история переживает вторую молодость. Она обязана этим омоложением новым теориям роста, ввезенным в нашу страну совсем недавно... Концепция роста победила. Понятия „промышленной революции“ и „технологических переворотов“, которые в течение долгого времени были так популярны, отошли на задний план. Французские историки присоединяются к „климетристам“ в Соединенных Штатах, среди которых ведущее место занимает Фогел»¹⁸⁹. При этом Леруа-Ладюри отдает решительное предпочтение этой новейшей американской школе даже по сравнению с «Анналами» первого поколения. «В этом отношении тоже

существует „американский вызов“ (un défi américain)¹⁹⁰. В течение 20 или 30 лет французская историческая школа превосходно жила, пользуясь наследством „отцов-основателей“ Люсьена Февра и Марка Блока. И, по крайней мере в области социальной, экономической и количественной истории, эта школа для историков других стран была передовой, авангардной. Техническая революция, которую мы переживаем, грозит все это изменить... Количественная революция совершенно изменила... ремесло историка»¹⁹¹. Будущее принадлежит только математическим методам, «научной историей является только количественная история»¹⁹². Основным инструментом историка становятся «ordinateurs» — электронно-вычислительные машины.

Леруа-Ладюри целиком поддержал положения школы «New Economic History», в том числе «counter-factual hypothesis»: «Ни война за независимость, ни строительство железных дорог, ни даже „новый курс“ Рузвельта не играли сколько-нибудь значительной роли и если бы и не было этих событий... все равно не произошло бы сколько-нибудь существенных изменений в темпах экономического роста»¹⁹³. В этой связи Леруа-Ладюри еще более решительно, чем его предшественники, отрицал и отрицает какое бы то ни было значение за «событийной историей». «Современная историография,— писал он в 1972 г.,— которая хочет быть вычислительной (quantifiée), структурной, вынуждена была... убить, чтобы жить: уже несколько десятилетий назад она осудила почти на полное исчезновение событийную историю и атомистическую биографию. Клио отворачивается теперь от этой долгой цепи событий, слишком простых и слишком легких, которыми упивались историки старого типа. Она ориентируется на изучение структур... собирание данных, которые могут послужить для сериальных или количественных исследований»¹⁹⁴.

Будущее, по его мнению, только за количественной историей. В Соединенных Штатах каждое сколько-нибудь

¹⁸⁷ Soboul A. Problèmes théoriques de l'histoire de la Révolution française.— In: Aujourd'hui l'histoire, p. 263.

¹⁸⁸ Le Roy Ladurie E. La révolution quantitative en histoire.— In: Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien, partie 1.

¹⁸⁹ Ibid., p. 18—19.

¹⁹⁰ Под этим названием в 60-х годах вышла книга известного французского буржуазного публициста и политического деятеля Серванта-Шрейбера, призывавшего к обновлению французской экономики по американскому образцу.

¹⁹¹ Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien, p. 14—15.

¹⁹² Ibid., p. 22.

¹⁹³ Ibid., p. 171—172.

¹⁹⁴ Ibid., p. 165.

серьезное научное учреждение обладает уже своим вычислительным центром. Во Франции предстоит то же самое. В 80-х годах будет развиваться количественная история. Мастер лапидарной формулы (к ней тогда же добродушно-иронически отнесся Ф. Бродель), Леруа-Ладюри закончил одну из своих статей словами: «Историк завтрашнего дня будет программистом, или его не будет вовсе» (курсив наш.— В. Д.)¹⁹⁵.

Эту высокую оценку «количественной истории» и даже взглядов «гипотетической» школы полностью подтвердил и другой видный представитель «третьего поколения» «Анналов», Франсуа Фюре (тоже в молодости, как и Леруа-Ладюри, разделявший коммунистические взгляды), побывавший в конце 60-х годов в Соединенных Штатах. Фюре также высоко оценил теорию «роста», занявшую «привилегированное место в развитии современной мысли западного мира». Он коснулся при этом и гносеологических проблем, считая, что «сериальная история» является «революцией историографического сознания» (курсив наш.— В. Д.). Применение математических, количественных методов, когда сам историк «программирует» подлежащие обработке «факты», делает совершенно очевидным, что нет какой-то исторической объективности — «историк не может теперь уйти от сознания, что он сам конструирует свои факты»¹⁹⁶.

После выступлений Леруа-Ладюри прошло уже около 10 лет. Он принимал участие в некоторых коллективных попытках количественной разработки истории, в частности данных французской военной статистики¹⁹⁷. Однако эти

¹⁹⁵ Ibid., p. 14 («l'historien de demain sera programmeur ou il ne sera plus»).

¹⁹⁶ Furet F. Le quantitatif dans l'histoire.— In: Faire de l'histoire, vol. II, p. 53 (первоначально статья была опубликована в: «Annales», 1974, N 1. L'histoire quantitative et la construction du fait historique). Франсуа Фюре является сейчас директором Ecole des hautes études en sciences sociales, возникшей на основе VI секции.

¹⁹⁷ Aron J.-P., Dumont P., Le Roy Ladurie E. Anthropologie du recrutement français d'après les comptes numériques et sommaires du recrutement de l'année (1819—1826). Paris, 1972. Леруа-Ладюри участвовал также в разработке данных о французских невообразах 1868 г.; см. также: Demonet M., Dumont P., Le Roy Ladurie E. Anthropologie de la jeunesse masculine en France au niveau d'une cartographie cantonale (1819—1930).— Annales, 1976, N 4. В том же номере журнала напечатана курьезная, с нашей точки зрения, статья: Gloor P. A., Houdaille J. La couleur des yeux à

исследования занимают все меньшее место в его деятельности. Об этом нагляднее всего говорит его последняя работа, которую сам историк охарактеризовал как «этнографический роман»¹⁹⁸.

«Программистом» Леруа-Ладюри отнюдь не стал, но не перестал быть историком. Эффектное предсказание не осуществилось. Математические методы выявили в последние годы свое крупнейшее, подчас решающее значение, особенно при разработке экономической, в частности аграрной, истории. Но «вычислительная история» никак не может устранить или подменить собой историю. «Révolution quantitative» оказалась лишь сенсацией, как и теория «непрерывного роста», вся иллюзорность которой была доказана экономическим кризисом 70-х годов. Тем не менее, когда в 1974 г. Роберт Фогел и Стэнли Энгерман посетили Париж, Э. Леруа-Ладюри вместе с Франсуа Фюре опубликовали беседу с американскими историками, в которой выразилось крайне сочувственное отношение к взглядам авторов «Времени на кресте»¹⁹⁹.

В своей вступительной лекции в Collège de France 30 ноября 1973 г. Леруа-Ладюри также считал нужным поддержать точку зрения Фогела. Южноамериканское рабовладельческое хозяйство отнюдь не было «умирающим», оно было чрезвычайно рентабельным, иногда даже более производительным, чем хозяйство на Севере, основанное на свободном труде. Труд негров-рабов был вполне производительным; уровень их эксплуатации южными плантаторами отнюдь не превышал того, который существовал на капиталистических предприятиях Севера. В экономическом отношении Юг стоял «гораздо выше стран Европейского континента, выше Франции, выше Бельгии».

l'époque du 1er Empire. Quelques commentaires sur l'évolution de ce caractère durant 238 ans. Конечно, при помощи вычислительных машин можно подсчитывать все что угодно, но стоит ли во славу «количественной истории» изучать изменения в окраске глаз за 238 лет?!

¹⁹⁸ Le Roy Ladurie E. Montailou, village occitan de 1294 à 1324. Paris, 1975. К этому же типу работ принадлежит и последняя книга Леруа-Ладюри (Le Roy Ladurie E. Le carnaval à Romans. Paris, 1978). См. о ней осторожный, но достаточно критический отзыв Ж. Дюби (Le Monde, 1979, 10 févr.): «Не будем обманываться по поводу жанра... Мы рискуем, что волна неоромантизма увлечет нас... Я жалею, что при той свободе, на которую дает ему (Леруа-Ладюри.— В. Д.) право его талант, он пускается иногда по слишком легкому пути».

¹⁹⁹ Le nouvel observateur, 1974, N 513, 9 sept.

Он отставал только от Англии и северных штатов. Только те историки, которые исходили из памфлетов аболиционистов, могли придерживаться противоположной оценки Фогел и Энгерман преподали урок историкам Европы²⁰⁰. Все это увлечение американской «клиометрией», «новой экономической историей» оказалось в конечном счете кратковременным, конъюнктурным явлением, но оно было чрезвычайно характерным для «анналистов» «третьего поколения».

VII

Мы подчеркивали раньше, какое огромное значение основатели «Анналов», прежде всего Марк Блок, а также и Люсьен Февр, придавали изучению экономической истории; в этом они видели в значительной мере задачу и особенность своего издания. Л. Аллегро и А. Торре, авторы весьма содержательной, хотя и недостаточно критической работы об «Анналах», вышедшей недавно в Италии, привели очень любопытное высказывание по этому поводу Марка Блока. В рецензии на книгу Озе и Ренде о Ренессансе он писал: «Та часть книги, очень талантливо написанная Ренде, в которой он рассматривает вопросы религиозной, интеллектуальной и художественной истории, совершенно не входит (*écharpe entièrement*) в сферу компетенции нашего журнала»²⁰¹.

Уход из жизни Марка Блока не мог не сказаться на направлении журнала. Самое его переименование в *Annales: Economie, Sociétés, Civilisations*, как мы уже отмечали, представляется нам не случайным. Но пока во главе *Annales* оставался Ф. Бродель, это изменение сравнительно мало сказывалось на том месте, которое в нем отводилось проблемам экономической истории. С приходом представителей «третьего поколения» положение существенно изменилось. Более чем сочувственно относясь к «Анналам» Троян Стоянович вполне объективно это отметил: «Экономическая история перестала быть основной темой (*last ground*) для историков школы „Анналов“, и, как уже подчеркнул Франсуа Крузе, интерес к гло-

бальной истории привел к „любительству“ (*amateurism*) и вовсе не обязательному „рассеянию усилий“, что принесло наибольший ущерб экономической истории»²⁰².

Этот перелом вытекал, как нам представляется, из новой методологической позиции, отстаиваемой прежде всего Э. Леруа-Ладюри, в когором А. З. Манфред справедливо видел главу, лидера «новой» школы²⁰³. В своей вступительной лекции в Collège de France, носившей программный характер, Леруа-Ладюри, характеризуя историю Франции от XIV до середины XVIII в., указал: «Упомянувшиеся нами колебания в экономическом развитии в конечном счете порождались резкими демографическими скачками. Они обуславливаются биологией... ею они моделируются. *От XIV до XVIII в. экономика является скорее служанкой, чем хозяйкой* (курсив наш.— В. Д.). Не она ведет, а скорее ее ведут. Как бы она ни была важна, в конце концов она оказывается послушной главным силам жизни и смерти. Что касается велений политики или борьбы классов, время их могущества было еще впереди»²⁰⁴.

В «Крестьянах Лангедока» стержнем всего исследования (после того как Леруа-Ладюри отказался от своего первоначального замысла — изучения происхождения капитализма) стало изучение демографических процессов. В «Неподвижной истории» этим демографическим и биологическим процессам отведена решающая роль в развитии всей Франции за четыре века. В XI—XIII вв. страна переживала расцвет и экономический, и демографический, шел непрерывный рост. Но с XIV столетия наступает длительной застой. Народонаселение в XIV — первой трети XVIII в. находится на одном уровне; объем сельскохозяйственной продукции не возрос. В чем же причина этого застоя? Леруа-Ладюри дает ему неожиданное и чисто биологическое объяснение: из Центральной Азии происходило вторжение в Западную Европу и Францию крыс и чумных блох. С начала XIV в. их заносят караваны с шелком и монгольские армии. Создается — Леруа-Ладюри не может отказаться от неожиданной и эффективной, вполне современной терминологии — «общий рынок (*marché commun*) бацилл и вирусов»; первое «короткое замыкание» — это знаменитая «черная чума» 1348 г. Цепь

²⁰⁰ *Le Roy Ladurie E. Histoire immobile. Léçon inaugurale au Collège de France 30 novembre 1973. — Annales, 1974, N 3, p. 678—679.*

²⁰¹ *Annales d'histoire économique et sociale, 1930, p. 591. Цит. по: Allegro L., Torre A. La nascita de la storia sociale in Francia. Dalla Comune alle «Annales». Torino.*

²⁰² *Stoianovich T. Op. cit.*

²⁰³ См.: *Манфред А. З. Некоторые тенденции зарубежной историографии. — Коммунист, 1977, № 10, с. 113.*

²⁰⁴ *Le Roy Ladurie E. Histoire immobile, p. 689.*

эту завершает вспышка чумы в Марселе в 1720 г. В 1300—1650 гг. происходило «микробное объединение мира» (*l'unification microbienne du monde*)²⁰⁵.

Леруа-Ладюри не отрицает и роль войны; он напоминает о четырех грозных всадниках из Апокалипсиса: война, чума, эпидемии, голод. Но и война связана с тем же биологическим фактором, с тем же нашествием бактерий. Армия Ришелье в XVII в. не превышала 8 тыс. человек, но вызванные ее передвижением по всей стране чумные вспышки, инфекционные болезни уносят миллионы человек. Точно так же уже позднее, в XVIII в., в Анжу дизентерия останавливает начавшийся подъем. Так биологические факторы играют определяющую роль — ими обусловливается экономика. В конечном счете «она дрейфует в зависимости от биологии, от *ритма агрессии микробов*» (курсив наш. — В. Д.)²⁰⁶.

Леруа-Ладюри никак нельзя отказать в умении найти для своих мыслей блестящую, афористическую форму. Но соответствует ли яркое, запоминающееся определение — «неподвижная история» — подлинной исторической действительности? Мы в этом глубоко сомневаемся. Во всяком случае та тенденция, которая проводится во втором томе «*Histoire rurale de la France*», выпущенном в 1976 г. под редакцией Э. Леруа-Ладюри, встретила серьезные возражения, поскольку эта формула отнюдь не содействовала выяснению тех изменений, которые хотя и медленно, но безусловно происходили в сельскохозяйственной технике²⁰⁷. Дискуссия, развернувшаяся в 1974—1977 гг. между Морино, с одной стороны, и Леруа-Ладюри и Нево — с другой, точка зрения компетентного и авторитетного исследователя Б. Х. Сликера ван Барта²⁰⁸ и в значительной мере также Ж. Дюби показывают, что тезис о «стагнации» требует еще очень и очень тщательной проверки²⁰⁹. Вместе с тем нельзя не напомнить, что XVI век

с его открытием для мировой торговли Атлантического океана, появлением капиталистического способа производства в его первой, мануфактурной стадии в рамках Западной Европы и Франции меньше всего может быть охарактеризован как период «неподвижной истории». В этой связи вспоминаются великолепные и чрезвычайно объективные исследования Поля Раво, опубликованные почти полвека назад, так наглядно показавшие сдвиги в провинции Пуату, связанные с этими мировыми процессами, которые Леруа-Ладюри совершенно игнорирует²¹⁰.

Зато эта, несомненно, весьма спорная концепция²¹¹ превосходно подходила для обоснования тезиса, столь важного для Леруа-Ладюри, что на протяжении по край-

логия проникается историчностью, когда Ж. Балацке показал, что нет обществ без истории и что идея неподвижных обществ является иллюзией, справедливо ли для историка заниматься вневременной этнологией? Как объяснить тогда рост, самое существенное явление обществ, изучаемых историком... Специалист в области изменений, историк должен остерегаться того, чтобы становиться нечувствительным к изменениям» (*Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. Temps, travail et culture en Occident. Paris, 1977, p. 347*). Любознато сообщено нам Ю. Л. Бессмертным.

²¹⁰ Raveau P. La crise des prix au XVI siècle en Poitou. — *Revue Historique*, 1929; *Idem. Essai sur la situation économique et l'état social en Poitou au XVI siècle. — Revue d'histoire économique et sociale*, 1930; см. также нашу рецензию на статьи П. Раво: *Далии В. XVI век в экономической истории Франции. — Историк-марксист*, 1933, № 2, с. 177—193.

²¹¹ Концепции «неподвижной истории» по отношению к XVI в. противопоставлена другая точка зрения в монографии Ги Буа о «кризисе феодализма» на примере восточной Нормандии (*Bois G. Crise du féodalisme. Economie rurale et démographie en Normandie orientale du début du XIV au milieu du XVI siècle. Paris, 1976*). Ги Буа изучает как раз то, от чего отказался Леруа-Ладюри, — социальную структуру нормандской деревни и приходит к выводу, что в XVI столетии отчетливо наметился капиталистический подъем. Любопытно, что обширная рецензия Леруа-Ладюри на эту, как он считает, последовательно марксистскую монографию, достоинства которой он не отрицает (и даже вообще признает, что «марксистская теория, применительно к этому периоду, за последнее время обращает на себя внимание»), носит скорее оборонительный характер. Он призывает, что в Нормандии имел место «сдвиг» прежней «экосистемы к аграрному капитализму семейного типа» (*Le Roy Ladurie E. En Haute Normandie: Malthus ou Marx? — Annales*, 1978, N 1, p. 115). Правда, это противоречит «неомальтузианской» концепции «Крестьян Лангедока». Но Леруа-Ладюри считает, что эти разногласия «в конечном счете носят довольно второстепенный характер» (*Ibid.*, p. 125). С этой оценкой трудно согласиться — разногласия эти, по нашему мнению, отнюдь не «второстепенные».

²⁰⁵ *Ibid.*, p. 681.

²⁰⁶ *Ibid.*, p. 683.

²⁰⁷ *La Pensée*, 1977, N 194, p. 67 (рецензия Ф. Помпони на второй том «*Histoire rurale*»).

²⁰⁸ См.: *Бессмертный Ю. Л. Динамика средневекового земледелия в современной западноевропейской историографии. — Вопросы истории*, 1979, № 7.

²⁰⁹ Видный французский историк Жак Ле Гофф, критикуя это понятие «неподвижности», писал недавно: «Не должен ли историк учесть критику неподвижности, все более распространяющуюся в науках о человеке, включая этнологию? Сейчас, когда этно-

лей мере четырех веков экономика играла в истории Франции подчиненную роль по отношению к чисто биологическим и демографическим факторам. Более резко и отчетливо — не только по отношению к этому периоду французской истории — Леруа-Ладюри сформулировал эту важнейшую для него мысль в рецензии на книгу Ф. Лебрена «Люди и смерть в Анжу в XVII и XVIII веках»²¹². «Новая антропологическая история (курсив наш. — В. Д.), — писал он, — во всяком случае взрывает ставшие слишком тесными рамки чисто экономической и социальной истории, той, которая с полным правом доставляла наслаждение целому поколению историков. Антропологический историк типа Лебрена хочет превзойти проблемы цен на зерно и колебаний заработной платы. Он применяет в новых областях человеческого прошлого, которые открылись только недавно, — нравы, пол, смерть, преступность, фольклор, физическая антропология — испытанную технику вычислительной истории и структурного анализа... Одна проблема у Клио вызывает сейчас страстный интерес: социальная история смерти»²¹³. Кстати, этой теме в 1977 г. был посвящен специальный номер «Анналов».

Весь этот круг идей Леруа-Ладюри развивает и в сборнике статей «Территория историка»²¹⁴. Первый его раздел посвящен «вычислительной революции» — мы уже знакомы с содержанием основных входящих в него статей. Другой важнейший раздел книги озаглавлен «Значение человека: между биологией и образом мысли: историческая демография» («Le poids des hommes: entre biologie et mentalité: la démographie historique»).

Леруа-Ладюри считает историческую демографию «одной из самых плодотворных дисциплин в новой школе»²¹⁵. На том пути, который история прошла за 150 лет, от «событийной и трескучей историографии XIX в., историческая демография (histoire-bataille) до глобального, молчаливого и математического восприятия всего нашего прошлого»

огромное место Леруа-Ладюри отводит исторической демографии. В ней он видит воплощение и осуществление новых тенденций в истории²¹⁶.

Исходя из того же представления о постоянных «ножницах» между «демографическим напором» и ограниченным ростом продовольственных ресурсов, Леруа-Ладюри проявляет особый интерес к вопросу о тех методах, которыми уже в XIV—XVIII вв. пытались ограничить рост населения («secrets funestes»). Одну из своих статей он озаглавил «От Ватерлоо до Колитона». Его заинтересовала появившаяся в 1966 г. статья одного английского историка, Е. Wrigley, о Колитоне (Colyton) — английской деревне, где нашли способ ограничения рождаемости. И Леруа-Ладюри готов противопоставить и принизить значение Ватерлоо («histoire-bataille») по сравнению с Колитоном, сумевшим обуздать важнейший в истории и могущественнейший демографический фактор.

Но историческая демография следит не только за ростом рождаемости — «она размышляет и о смерти»²¹⁷. Мы уже отмечали интерес Леруа-Ладюри к книге Лебрена о «смерти в Анжу», с такой же похвалой он отозвался о работах М. Вовелля²¹⁸, где на основании математического подсчета тысяч завещаний выяснялся вопрос об изменениях в отношении к похоронным церемониям, к смерти в Провансе в XVIII в. «За историей, — пишет он, — которая в работах Лабрусса, Мевре, Губера сосредоточивала свое внимание на росте или отсутствии роста, последовала сейчас история типа Вовелля или Лебрена, которая интересуется образами смерти в развитии культуры». Французские историки «заворожены сейчас смертью... Нужно ли быть европейцем и происходить из страны Паскаля, чтобы полагать, что история это не только размышление о жизни, но и о смерти?»²¹⁹.

²¹⁶ Ibid., p. 312.

²¹⁷ Ibid., p. 308.

²¹⁸ Vovelle M. Piété baroque et déchristianisation en Provence au dix-huitième siècle. Les attitudes devant la mort d'après les clauses des testaments. Paris, 1973; Idem. Mourir autrefois. — In: Attitudes collectives devant la mort aux XVII et XVIII siècles. Paris, 1974. М. Вовелль — марксист, автор ряда ценных работ по истории Великой французской революции; см. его статью: Vovelle M. Drôles de mentalités. — Humanité, 1979, 26 juin.

²¹⁹ Le Roy Ladurie E. Chaunu, Lebrun, Vovelle: la nouvelle histoire de la mort. — In: La Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien..., p. 402.

²¹² Lebrun F. Les hommes et la mort en Anjou au XVII et XVIII siècles. Essai de démographie et psychologie historique. Paris, 1971.

²¹³ Le Monde, 1972, 21 janv. О работе Лебрена с величайшей похвалой Леруа-Ладюри отзывается в своей книге «Le territoire de l'historien» и в статье «Histoire immobile».

²¹⁴ Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien.

²¹⁵ Ibid., p. 12.

Наконец, последний раздел книги посвящен климатологии. Он озаглавлен: «История без людей, новый домен Клио — климат»²²⁰. В беседе о своей книге Леруа-Ладюри говорил об этом разделе: «Я пытаюсь сделать то, что Поль Вейн назвал космологической историей природы... историей, где человек живет, но не господствует. В конце концов почему же не „история без людей“. Мы присутствуем сейчас при климатических изменениях на юге Сахары, которые вызваны вовсе не одним капитализмом. Это реальный процесс. Я удивляюсь, почему его не изучают». Пользуясь выражением де Голля, Леруа-Ладюри в этой своей беседе настаивал на необходимости исследования «истории окружающей среды по всем азимутам»²²¹.

Но, добиваясь такого чрезвычайного расширения «территории истории», нынешние руководители «Анналов», и прежде всего Леруа-Ладюри, в одном отношении склонны всячески ограничить ее исследования, именно в той области, которая, еще по мнению Гизо, Тьерри и Токвиля, занимала центральное место в человеческой истории — в области изучения истории классовой борьбы.

В чрезвычайно похвальной рецензии на книгу немецкого историка В. Абеля об аграрных кризисах в Европе XIII—XX вв.²²² Э. Леруа-Ладюри писал: «Переход от феодализма к капитализму, которым так дорожат марксисты, не упущен в этом труде, который несколько не забывает проблемы общественных классов. Но она отходит на второй план (курсив наш.— В. Д.). Она уступает место биению этого огромного целого, которым является европейское сельское хозяйство. Это экологическая система, одновременно колеблющаяся и стабильная, укоренившаяся в природе, с неподвижной техникой, поддающаяся

лишь вековым изменениям»²²³. Двумя важнейшими показателями В. Абель считал колеблющееся народонаселение и сравнительно негибкое производство. В зависимости от этих двух величин идет погоня за хлебом (course au pain), но эта борьба отнюдь не носит характера классовой борьбы, она определяется теми же общепроизводственными и демографическими факторами. Эту точку зрения Леруа-Ладюри целиком поддерживает.

VIII

Как освещаются «новой школой» проблемы классовой борьбы в истории Франции, легче всего проследить на примере трактовки ею истории Великой французской революции и роли классов на протяжении этого критического периода. Вопрос этот уже нашел отражение в литературе, и мы будем поэтому предельно кратки²²⁴.

Группа исследователей из ядра «Анналов», занимающихся этими проблемами, — прежде всего Франсуа Фюре, Дени Рише, Даниэль Рош и сам Леруа-Ладюри — настаивают на полном пересмотре всех концепций, выработанных, по правильному определению Альбера Собуля, «классической» историографией за полтора века от Минье и Токвиля до Олара, Матьева и Лефевра. Они очень близки к той точке зрения, которую в конце 50-х годов отстаивал Ролан Мунье в его знаменитом споре с Б. Ф. Поршневым, когда он отрицал существование феодализма во Франции XVII в.²²⁵ Во всяком случае они отрицают даже понятие «старый порядок», которым пользовался не только Токвиль, но и достаточно консервативный Ипполит Тэн. В своей последней работе Дени Рише, соавтор двухтомной работы «Революция», выпущенной им совместно с Ф. Фюре²²⁶, избегает даже самого этого термина;

²²⁰ *Le Roy Ladurie E. Histoire sans les hommes: le climat, nouveau domaine de Clio.* — Ibid., p. 415.

²²¹ *Le Monde*, 1973, 21 juin. По поводу этой книги Леруа-Ладюри один из авторов «Annales», Д. Рише, писал: «Родился человек, который проявил себя как хозяин на территории истории» (*Le Nouvel observateur*, 1973, N 446). Нельзя не отметить, что ближайшие сотрудники «Annales» — Э. Леруа-Ладюри, Ф. Фюре, Д. Рише — постоянно обмениваются похвальными рецензиями друг на друга на столбцах газеты «Le Monde» и журнала «Le nouvel observateur». Французским историкам до последнего времени такая практика была чужда.

²²² *Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur: eine Geschichte der Land und Ernährungswirtschaft seit dem hohen Mittelalter.* 1935; 2. Aufl., 1966 (фр. изд.: *Abel W. Crises agraires en Europe, XIII—XX siècles.* Paris, 1974).

²²³ *Le nouvel observateur*, 1974, N 479.

²²⁴ См. статьи А. З. Манфреда и А. Собуля во «Французском ежегоднике, 1976» (М., 1978), *Soboul A. L' historiographie classique de la Révolution française. Sur les controverses récentes.* — *La Pensée*, 1974, N 177; *Ado A. B.* Современные споры о Великой французской революции. — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; *Mazauric C. Sur la Révolution française.* Paris, 1970.

²²⁵ *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1958, vol. 5, avr.—juin.

²²⁶ *Furet F., Richet D. La Révolution.* Paris, 1965—1966. Vol. 1, 2; 2-е éd., 1973.

он предпочел назвать свою книгу «Новая Франция»²²⁷. В своей рецензии на эту книгу Леруа-Ладюри писал: «Для него (Рише.— В. Д.) понятие десятилетие 1789—1799 — это прежде всего значит поместить его в скобках (*mettre en parenthèses*), забыть, что оно существовало, изучить предшествовавшие три или четыре века сами по себе, а не в телеологическом освещении будущего. „Старый порядок“ — слово, которое автор очень не любит, и предпочитает ему новизну (*modernité*) 1450—1500 гг.». Леруа-Ладюри приветствует это новое освещение и пишет «о своем удовлетворении заменой обычных клише», касающихся «буржуазной революции»²²⁸. Эту точку зрения отстаивает и Франсуа Фюре, наиболее агрессивный противник марксистской концепции революции, чрезвычайно резко выступивший против Альбера Собуля. С его точки зрения, «старый порядок умер еще до того, как он был низвергнут»²²⁹. «Буржуазная революция» для Фюре «метафизический персонаж», «метафизическое чудовище»²³⁰.

Отрицая этот «метафизический персонаж», Рише и Фюре отрицают и роль буржуазии в революции. С их точки зрения, решающую роль играли не классы, а «элита»²³¹.

²²⁷ *Richet D.* La France moderne: l'esprit des institutions. Paris, 1973; *Idem.* Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotismes.— *Annales*, 1969, janv. — févr.
²²⁸ *Le Roy Ladurie E.* Elites et révolutions.— *Le Monde*, 1974, févr.
²²⁹ *Furet F.* Le catéchisme révolutionnaire.— *Annales*, 1974, mars-avril, p. 276 (перепечатана в кн.: *Furet F.* Penser la Révolution française. Paris, 1978). См. рецензию на нее: Ж. Годшо (ANRF, 1979, N 1). Ф. Фюре уже в 60-х годах работал в VI секции. Вместе с Аделиной Домар он опубликовал в 1961 г. исследование о социальных структурах и отношениях в Париже в XVIII в. Под его же руководством в 1965—1970 гг. был опубликован двухтомный труд: *Livre et société dans la France du XVIII siècle*. Paris, 1965—1970. Vol. 1—2.

²³⁰ *Furet F.* Le catéchisme révolutionnaire, p. 279, 282.

²³¹ Об этом очень неясном и спорном термине «элита» Мишель Вовелль, чей последний труд так расхвалили Э. Леруа-Ладюри и П. Шоню, отзывается весьма скептически: «Что остается от теории элиты Просвещения, выдвинутой в 60-х годах? Претензия заменить догматическо-механическое понимание классов... более неуловимым (*fluide*) и более жизненным понятием «элита»... вовсе не реализовалась. Надо ли отбрасывать... существующие гипотезы только для того, чтобы заменять их тем, что биологи назвали бы искусственными фактами (*artefacts*). Потому что речь идет именно об этом: при сопоставлении с реальными фактами от теории элиты остается только пошлость общего места... или утонченная иллюзия (*l'illusion sophistiquée*) эпохи» (*Voix nouvelle M.* L'Elite ou le mensonge des mots.— *Annales*, 1974, N 1, p. 72).

«Коммерческая», «предпринимательская» буржуазия вовсе не была главной составной частью этой «элиты» — ее составляли либеральное дворянство, «интеллигенты»; буржуазия находилась скорее в «арьергарде революции». Эту действительно «новую» характеристику соотношения роли дворянства и буржуазии во второй половине XVIII в. сразу же поддержал Леруа-Ладюри. В рецензии на книгу Ж. Мейера «Дворянство Бретани в XVIII в.» он писал: «При Людовике XV и Людовике XVI это дворянство, одно время приниженное, развивается в обратном направлении, вопреки всем историческим прецедентам. *Буржуазия в XVIII столетии становится нисходящим классом, тогда как дворянство является восходящим классом* (курсив наш.— В. Д.). Оно обязано этим экономическому подъему»²³².

Пересмотру вопроса о роли дворянства в XVIII в. и «элиты» посвящена специальная работа одного из сотрудников «*Annales*» Ж. Шоссинан-Ногаре²³³. С его точки зрения, дворянство XVIII в., вопреки установившимся представлениям, вовсе не является уже реакционным, феодальным классом: «Я нисколько не претендую,— пишет он,— на то, чтобы утверждать, что число предприятий, руководимых или финансируемых дворянами, превышало число буржуазных предприятий. Но — и этот критерий является решающим — в этих предприятиях дворянство представляет собой наиболее новаторское направление, наиболее динамичное и наиболее современное (*le plus moderniste des affaires*)»²³⁴.

Шоссинан-Ногаре решительно отрицает, что дворянство в XVIII в. представляло «феодальную реакцию»; наоборот, именно оно в основной своей части поддерживало идеи Просвещения, из него формировалась элита, подготовившая революцию. «Идеи Просвещения выйдут из среды аристократии, и они ее преобразуют»²³⁵.

Книга Шоссинан-Ногаре — хотя она, по мнению Ф. Гунара, отнюдь не представляла собой исследовательской

²³² См. рецензию Леруа-Ладюри на кн.: *Meyer J.* La noblesse bretonne au XVIII siècle.— *Le Monde*, 1972, 26 mai.

²³³ *Chaussinand-Nogaret G.* La noblesse au XVIII siècle. De la féodalité aux Lumières. Paris, 1976. Содержательная критика этой книги дана в пространной рецензии Филиппа Гунара в ANRF, 1977, N 227.

²³⁴ *Chaussinand-Nogaret G.* Op. cit., p. 123.

²³⁵ *Ibid.*, p. 30—31.

монографии — получила самую высокую оценку Э. Леруа-Ладюри. Он посвятил ей специальную рецензию, опубликованную на первой странице газеты «Монд», озаглавленную «Иконоборческая книга»²³⁶. Дворянство представляется в книге Шоссинана-Ногаре «активным, молодым... а его элита весьма просвещенной. Оно сеет ветер, чтобы пожать в 1789 г. бурю... Новаторские труды Франсуа Фюре, Дени Рипе, Даниэля Роша уже показали, что дворянство в основном не было „феодальным“ классом, как некоторым правилось его изображать». В рамках дворянской сеньории развивался сельскохозяйственный капитализм; «дворяне рядом с купцами и финансистами, а иногда и сами оживляли торговый капитал». Леруа-Ладюри не мог, однако, не поставить вопрос, почему же это «передовое» дворянство, «посеявшее бурю», в ходе революции оказалось ее непримиримым противником. Его ответ — «пусть из-за него на чьих-то головах волосы встанут дыбом» — состоит в том, что, по-видимому, революция была только «интермедией», только «промежуточным» эпизодом, не лишенным, правда, известного значения²³⁷. Вся дальнейшая история Франции привела к тому, что и намечалось в XVIII в. — к господству «нотаблей», блока передового дворянства и буржуазии. Книга Шоссинана, «и это главное, разнесла в прах почтенные лубочные картинки (images d'Épinal). Только иконоборческая книга является хорошей книгой».

Никто никогда не отрицал роль либерального дворянства накануне и в начале революции — и Матъез и Лефевр о ней всегда писали²³⁸. Но отсюда бесконечно далеко до признания дворянства XVIII в. «восходящим классом», а буржуазии — классом «нисходящим». Это такая же ошеломляющая формула, как «неподвижная история», но обе они одинаково далеки от исторической действительности.

Новая — и столь же парадоксальная — оценка дается и крестьянскому движению в годы революции. Наиболее

ярко эту новую точку зрения сформулировал тот же Э. Леруа-Ладюри. Он подчеркивает, что крестьянское движение было очень сильно во Франции в XVII в. Но эти «поршневики крестьяне» — вопреки мнению советского ученого — выступали не против сеньории, а против системы государственного фиска. Однако в XVIII в. «лефевровские крестьяне» действительно выступали против сеньории. Как произошел этот перелом и чем он был вызван?

Э. Леруа-Ладюри не производит собственных изысканий, в своей статье он опирается по преимуществу на уже упоминавшуюся нами превосходную монографию П. Сен-Жакоба о крестьянах северной Бургундии. В XVIII в. крестьянское движение приобретает там большой размах, оно носит антисеньориальный характер, но Леруа-Ладюри дает свое и совершенно неожиданное объяснение этому явлению: «Бургундское крестьянство XVIII в. антифеодально, потому что оно антикапиталистично»²³⁹. Леруа-Ладюри считает, что к тому времени сеньория пережила полную ломку — она «физиократизировалась». Оставшись сеньорией «по форме», она стала «капиталистической по своему содержанию». Главным агентом этой мнимо сеньориальной, а на деле капиталистической эволюции был богатый фермер. Французское сельское хозяйство развивалось по английскому пути, но оно натолкнулось на «фантастическое сопротивление крестьянской массы», успешное, но по существу своему антикапиталистическое и поэтому объективно реакционное. «Откажемся поэтому, — делает свой вывод Леруа-Ладюри, — от телеологической историографии. *Борьба крестьян против своих сеньоров при Людовике XV и Людовике XVI не была борьбой за демократическое, прогрессивное или буржуазное развитие против реакционного и феодального прошлого, какой ее зовут представить*» (курсив наш. — В. Д.)²⁴⁰. «Антисеньориальная революция» оказывается только «антикапиталистической реакцией».

«Крестьянская революция, — писал Леруа-Ладюри в рецензии на второе издание книги Ф. Фюре и Д. Рипе «Революция», — задержала больше чем на столетие образование французского сельскохозяйственного капитализма по

²³⁶ *Le Roy Ladurie E. Un livre iconolaste. Un nouveau regard sur la noblesse au XVIIIe siècle. — Le Monde, 1976, 12 juin.*

²³⁷ *Ibid.* («on peut penser que la révolution n'est qu'un intermède certes capital?»)

²³⁸ Любопытно, однако, что Бабеф еще ранней весной 1789 г. подвиг Александра Ламета, виднейшего представителя либерального дворянства, самой резкой критике, видя в нем сторонника сохранения феодальных отношений (см. первый том советского и французского издания сочинений Бабефа).

²³⁹ *Le Roy Ladurie E. Révoltes et contestations rurales en France de 1675 à 1788. — Annales, 1974, N 1 (номер, посвященный «новой интерпретации» революции), p. 12.*

²⁴⁰ *Ibid.*, p. 17.

английскому типу»²⁴¹. Но такой же по существу реакционный характер носила и «плебейская революция» в городах. Многими своими чертами она напоминает «дикие бунты XVII в.», описанные, как мы помним, в «Крестьянах Лангедока».

Мы не станем здесь останавливаться на работе Фюре и Рише — подробный ее анализ был дан в уже указанных работах А. Манфреда, А. Собоуля, К. Мазорика, А. Адо. Фюре и Рише критически оценивают роль народных масс в революции — они считают ее реакционной, приравнивая Вандею к парижским санкюлотам. Особенно критически они оценивают якобинский период. Для Ж. Жореса, А. Матьева, Ж. Лефевра «II год» был кульминационным, наиболее героическим периодом, спасшим Францию от иностранной интервенции, принесшим наиболее глубокие социальные изменения. Фюре и Рише это категорически отрицают. Конфликт Горы и Жиронды лишен «исторического величия». Для определения этого периода Фюре и Рише прибегают к термину, заимствованному из автомобильного жаргона, «dégarage» — машину «занесло», она «скользит», «буксует»²⁴². Только после 9 термидора это прекращается — революция, особенно в первые месяцы наполеоновского консульства, возвращается в свое нормальное историческое русло. В 1978 г. Ф. Фюре опубликовал книгу «Размышляя о французской революции»²⁴³. Это сборник его статей начиная с «Революционного катехизиса», в котором он повторяет в еще более острой форме свои прежние положения. Так, о предреволюционной монархии он утверждает, что «монархическое государство XVIII в. не было реакционным или пленником эгоистических интересов, а являлось одним из главных факторов изменений и социального прогресса, постоянной строительной площадкой реформ»²⁴⁴. Фюре как будто бы совершенно забыл о трагической неудаче Тюрго! В отношении дворянства он еще резче подчеркивает, что оно «не было группой или классом в состоянии упадка. Никогда еще оно не было столь блестящим и никогда цивилизация

не была столь аристократической, как французская цивилизация в век Просвещения»²⁴⁵.

Пожалуй, новым в книге Фюре является то, что он теперь нашел, кроме Токвиля (которого, как мы уже отмечали, он искажил), еще одного своего предшественника в лице Огюстена Кошена и посвятил ему особую статью. Племянник одного из виднейших правых депутатов в палате депутатов, Дени Кошена, погибший в 1916 г. на фронте, он еще до войны успел войти в историографию революции как представитель крайне реакционных взглядов. В 1909 г., после выхода книги Олара против Тэна, он выступил в защиту последнего с книгой «Кризис революционной истории»²⁴⁶. В 1925 г. уже посмертно была опубликована его книга, на которую и ссылается Фюре²⁴⁷.

Он анализировал в ней деятельность в Бретани «sociétés de la pensée», всевозможных обществ, главным образом масонских лож. Но, по его мнению, их задачей меньше всего было развитие мысли. Кошен, по признанию Фюре, ненавидел якобинизм. В «sociétés de la pensée» он видел его предшественников, инструмент, который служил для постепенной фабрикации «единодушного общественного мнения». «Секретный ключ» к пониманию якобинизма — это представление о нем как о машине, спрятанной в тени «народа», как об «анонимной империи неизвестных посредственных людей», постепенно приходящих к власти путем «манипуляций», «обработки общественного мнения»²⁴⁸. В 1750—1780 гг. происходит «социализация», обобществление мысли, за ней следует «социализация» личности, а в 1793—1794 гг. — «социализация» имущества.

По мнению Кошена, — и его целиком разделяет Фюре — «революционный взрыв не рожден ни экономически, ни социальными противоречиями... Это не социальная борьба, не переменение собственности. В основе его лежат действия „скрытой олигархии“, которая путем унификации, „социализации“ общественного мнения приходит к власти, к диктатуре»²⁴⁹.

Матьева назвал в свое время книгу Кошена собранием «общих мест, разочаровывающей банальностью». Но для

²⁴¹ *Le Roy Ladurie E. Furet et Richet «revisent» la Révolution de 1789. — Le Monde, 1973, 12 avr.*

²⁴² Проблемы якобинской диктатуры. — В кн.: Французский ежегодник, 1970. М., 1972, с. 280.

²⁴³ *Furet F. Penser la Révolution française.*

²⁴⁴ *Ibid.*, p. 149

²⁴⁵ *Ibid.*

²⁴⁶ *Cochin A. La crise de l'histoire révolutionnaire. Paris, 1909.*

²⁴⁷ *Cochin A. Les sociétés de pensée et la révolution en Bretagne. 1925.*

²⁴⁸ *Furet F. Penser la Révolution française, p. 228—229.*

²⁴⁹ *Ibid.*, p. 244, 257.

Фюре (хотя он и приводит этот отзыв Матьева), а вслед за ним и для Леруа-Ладюри²⁵⁰ — это новое Евангелие, вскрывающее не только смысл революции и якобинизма, но и предсказавшее судьбу любой революционной демократии.

В конце XVIII в. аббат Баррюэль объяснял французскую революцию масонским заговором²⁵¹. Прошло почти 200 лет и Франсуа Фюре извлек работу Кошена, чтобы по существу возродить эту легенду.

Что же принесла французская революция, эта «психодрама», по определению Ф. Фюре?²⁵² Она не уничтожила ни «старый порядок», ни феодализм — они исчезли гораздо раньше. В области сельского хозяйства она задержала прогрессивные, капиталистические тенденции, она на столетие приостановила их развитие. Как считает Пьер Шоню, один из видных представителей направления «Анналов», «английская техническая революция» — вот единственная истинная революция XVIII в., а вовсе не волнение мелкого люда, которое «от Бастилии до садов Тюильери, а затем от Вальми до Аустерлица, Байлена и Москвы не без успеха пыталось затормозить эволюцию Франции и континентальной Европы»²⁵³. В одной из своих работ Шоню назвал французскую революцию «amusette» — «игрушкой», которая не должна привлекать внимание подлинно серьезных историков — «кантилативистов».

В своем «Странном поражении» М. Блок, глубоко переживавший французскую катастрофу 1940 г., писал: «Две категории французов никогда не поймут истории Франции: те, кого не волнует память о коронации в Реймсе, и те, кто без трепета читает о празднике Федерации»²⁵⁴. Может быть, Шоню и волнует память о Реймсе, но к празднику Федерации он и, увы, «клиометристы» из «третьего поко-

²⁵⁰ *Le Roy Ladurie E.* Une nouvelle interpretation de la Révolution. — *Le Monde*, 1979, 12 janv.; «Книга Фюре содержит между прочим размышления по поводу работ давно забытого историка... Речь идет об Огюстене Кошене».

²⁵¹ *Barruel Aug.* Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme. Londres, 1797—1798. Vol. 1—4.

²⁵² *Furet F.* Le catéchisme révolutionnaire. — *Annales*, 1971, mars—avril, p. 269.

²⁵³ *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1965, p. 329.

²⁵⁴ *Blach M.* L'étrange défaite. Блок имеет в виду коронацию в Реймском соборе Жанной д'Арк Карла VII после побед в Столетней войне и праздник 14 июля 1790 г., в первую годовщину взятия Бастилии.

ления» «Анналов» совершенно равнодушны. И в этом, может быть, особенно явственно сказывается их отход от направления «Анналов» М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя.

IX.

Мы не случайно привели высказывание именно Пьера Шоню. Взгляды, им отстаиваемые, нам кажутся характерными для иллюстрации той новой тенденции, которая проявилась в французской исторической науке в последние десятилетия (60—70-е годы). Хотя они далеко не являются господствующими, тем не менее заслуживают несколько более подробного рассмотрения.

Такой авторитетный французский историк, как Жак Годшо, охарактеризовал П. Шоню в связи с выходом его «замечательной» книги «Цивилизация Европы в эпоху Просвещения» как одного из «крупнейших историков нашего поколения»²⁵⁵. Нам это определение кажется спорным, но зато нельзя не согласиться с Трояном Стояновичем, характеризующим П. Шоню как «одного из самых плодотворных историков XX столетия»²⁵⁶. Родившийся в 1923 г. П. Шоню за годы своей научной деятельности (сейчас он профессор одного из парижских университетов) опубликовал свыше 25 книг и 120 статей; его литературная продукция превышает 20 тыс. страниц.

Ученик Фернана Броделя, как он сам себя называет, Шоню начал свою деятельность еще в 1948 г. монографией «Эжен Сю и Вторая республика», но известность ему принес многолетний труд, выполненный совместно с Гюеттой Шоню «Севиля и Атлантика». В 1955—1957 гг. появилась первая часть этого обширнейшего исследования, посвященного торговле Испании в XVI и первой половине XVII в. в 7 томах (8 книгах), общим объемом в 3890 страниц. Вторая часть (из четырех книг) была закончена в 1960 г. и составила 3453 страницы²⁵⁷. Этот труд был положитель-

²⁵⁵ *Godechot J.* La période révolutionnaire. Publications des années 1966 à 1971. — *Revue historique*, 1972, N 504, p. 471. Ученик А. Матьева Жак Годшо является сейчас одним из крупнейших специалистов по истории Великой французской революции, председателем международной комиссии по ее изучению.

²⁵⁶ *Stoianovich T.* Op. cit., p. 102.

²⁵⁷ *Chaunu H.* et *P. Séville et Atlantique (1504—1650)*. Paris, 1955—1960: T. I. Introduction méthodologique; t. II. Le trafic de 1504 à 1560; t. III. Le trafic de 1561 à 1595; T. IV. Le trafic de 1595

но оценен Ф. Броделем, посвятившим ему особую статью, но мягко упрекнувшим Шоню в чрезмерно больших размерах его исследования (*surabondante écriture*)²⁵⁸. Э. Леруа-Ладюри в своей «Территории историка» охарактеризовал этот труд как «прорыв» (*breakthrough*) в области «количественной» истории; по его мнению, он закрепил за Шоню репутацию одного из отцов «количественной» истории во Франции. Сам Шоню предпочитает термин «сериальная история» (*l'histoire sérielle*), считая что «событие» должно рассматриваться только в «серии», тогда оно поддается математической обработке²⁵⁹, а без математического аппарата «нет научного знания»; «история — это социальная наука, которая считает и измеряет»²⁶⁰.

По мнению Шоню, подлинная, научная, в полной мере количественная (*résolument quantitative*) история появилась во Франции только «на горизонте 1929—1930 гг.». Она связана с именами Симьяна и особенно Лабрусса и порождена «тревогой», «мучительной атмосферой кризиса»²⁶¹.

Вторая стадия в развитии «количественной» экономической истории связана, наоборот, с ростом. Она неотделима от успеха книги Ростоу. Правда, Шоню в отличие от Леруа-Ладюри и Фюре отнесся весьма критически к «новой экономической истории»²⁶². «Гипотезу», выдвинутую в 1964 г. Фогелем и в общем поддержанную Леруа-Ладюри, что американская экономика развивалась бы теми же темпами и без роста железных дорог, он считает «близкой к абсурду» и «самым замечательным примером бесплодности этой на шумевшей школы»²⁶³.

Огромное место — и мы еще увидим, в какой связи, — в развитии «количественной» истории Шоню отводит де-

à 1620; T. V. Le trafic de 1620 à 1650; T. VI (2 vol.). Tables statistiques 1504—1650; T. VII. Constructions graphiques; T. VIII (3 vol.). — Structure et conjoncture de l'Atlantique espagnole.

²⁵⁸ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 153; «Если бы Пьер Шоню заставил себя писать коротко... он мог бы занять среди молодых французских историков то первое место, на которое ему уже дает очевидное право его чрезвычайное трудолюбие и страсть к истории».

²⁵⁹ С 1964 г. Шоню стал директором первого во Франции вычислительного исторического центра при Каннском университете.

²⁶⁰ Chaunu P. Histoire science sociale. La Durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne. Paris, 1974, p. 54, 325.

²⁶¹ Chaunu P. Faire l'histoire, vol. II, p. 52.

²⁶² Ibid. p. 62—63.

²⁶³ Chaunu P. Histoire science sociale, p. 69.

мографии: «Демографическая история всегда существовала, но теперь нужно отвести ей должное место, которое может быть только первым»²⁶⁴. География и демография представляются Шоню «двумя современными науками, с которыми история французского типа (*l'histoire à la française*) ведет самый постоянный и самый конструктивный диалог»²⁶⁵. На протяжении последних 10 лет «историческая демография является сектором № 1, наиболее плодотворным во всех исторических исследованиях»²⁶⁶. Как видим, в этом он вполне солидарен с Леруа-Ладюри, которого он вообще высоко ценит, видя в нем «историка века электроники»²⁶⁷.

Шоню является самым решительным противником «событийной» истории. Он с исключительным пренебрежением относится к политической истории, к фактам классовой борьбы: «История изменилась... существует научная история», хотя еще не исчезла «архаическая, изжившая себя история... история — забава... история развлекательная...». Революция и Империя являются «излюбленным сюжетом того, что следовало бы назвать *глупой историей* (*histoire bête*, курсив наш. — В. Д.), даже не „историей-сражением“ (*histoire-bataille*), которая может быть разумной. Эта история, которая когда-то вела бои, была поучительной, проповеднической, сегодня имеет так же мало значения, как партия карточной игры»²⁶⁸.

Мы уже приводили уничижительный отзыв Шоню о Великой французской революции. Он настойчиво подчеркивает ее регрессивную роль для французской экономики. Промышленная революция могла бы носить атлантический характер, во всяком случае франко-английский, «если бы политическая революция во Франции вместе с преждевременным мальтузианством не помешали всем шансам Франции»²⁶⁹. Так же пренебрежительно трактует он и гражданскую войну в Соединенных Штатах: она была «великим вызовом единству, но... в конечном счете она оказалась лишь незначительным происшествием (*un accident mineur*)»²⁷⁰.

²⁶⁴ Ibid., p. 292.

²⁶⁵ Ibid., p. 395.

²⁶⁶ Chaunu P. Dépassement et prospective, p. 65.

²⁶⁷ Chaunu P. De l'histoire à la prospective. Paris, 1975, p. 35.

²⁶⁸ Ibid., p. 38.

²⁶⁹ Ibid., p. 186.

²⁷⁰ Ibid., p. 232.

Зато «великой революцией» Шоню признает установление в Англии более позднего возраста вступления в брак — это «предшествовало и определило в большой степени все последующие изменения»²⁷¹, в том числе и промышленный переворот. Не политика и не экономика, а демографические процессы играют решающую роль.

Количественной, «сериальной» экономической историей П. Шоню занимался особенно усиленно в первые примерно 15—20 лет своей научной деятельности — и занимался, следует признать, достаточно интенсивно. С середины 60-х годов научные интересы Шоню перемещаются — его позднейшие труды посвящены по преимуществу истории европейской цивилизации в основном до XIX в.: «Цивилизация в классической Европе», «Европейская экспансия с XIII до XV столетия», «Европейская цивилизация в эпоху Просвещения»²⁷². В этих трудах, как и в книгах, вышедших уже в середине 70-х годов²⁷³, чрезвычайно ясно определились мировоззренческие позиции Шоню. Особенно показательны убежденнейший «европеизм» историка, его преданность «традиционной, западно-европейской христианской» цивилизации, особенно X—XIII вв. Он также отвергает понятие «старый порядок»: «Это выражение, связанное с французской революцией, являющейся только второстепенным эпизодом, плохо подходит к традиционной истории цивилизации, сложившейся в результате длительных процессов»²⁷⁴. При этом Шоню имеет в виду прежде всего европейскую цивилизацию «оригинальную, богатую, динамичную, традиционную христианскую цивилизацию... которая господствовала на протяжении шести столетий с XII—XIII до XVIII — начала XIX в. ... во многих отношениях почти достигла едва ли не полного совершенства» (курсив наш. — В. Д.)²⁷⁵. Эта цивилизация была «христианской, атлантической и средиземноморской, но отнюдь не китайской»²⁷⁶.

²⁷¹ Ibid., p. 233.

²⁷² Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique; *Idem.* L'expansion européenne du XIII au XVe siècle. Paris, 1969; *Idem.* La civilisation de l'Europe des Lumières. Paris, 1971.

²⁷³ Chaunu P. Histoire science sociale; *Idem.* De l'histoire à la prospective.

²⁷⁴ Chaunu P. Histoire science sociale, p. 97.

²⁷⁵ Ibid., p. 135 («qui s'est approchée, dans plus d'un secteur, d'un point presque absolu de quasi-perfection»).

²⁷⁶ Ibid., p. 255.

«Золотым веком» этой эпохи был XIII век — «именно тогда Европа заложила основу своего превосходства»²⁷⁷. В XI и XII вв. был сделан огромный скачок вперед. Только к середине XVIII в. — после длительного периода упадка — на основе «латинского христианства» был вновь достигнут уровень «великого» XIII в.²⁷⁸

Исходя из этой высочайшей оценки роли европейской цивилизации, Шоню отвергает все обвинения в адрес европейской колонизации — процесса, «который чаще всего был положительным, а вовсе не отрицательным»²⁷⁹. Колонизация была «огромным конструктивным событием»; наоборот, «деколонизация очень мало что изменила, в „деколонизацию“ играли так же, как в Соппротивление (!)»²⁸⁰. Чисто антиколониалистское прочтение литературы об истории отношений между Европой и другими мирами в 70-х годах является попросту «глупостью»²⁸¹. «Подлинная история, история научная, строго количественная, — таков вывод Шоню, — не может не оправдать Европу. Отказ от этого наследия вследствие ложного прочтения истории колонизации и деколонизации является смешным и чрезвычайно опасным»²⁸².

Подчеркивая со всей силой значение средневековой европейской цивилизации, — «мира, который мы потеряли», «Европы кафедральных соборов», Шоню отмечает при этом, что «Европа не является главным образом экономическим фактом; прежде всего она является культурным фактом»²⁸³. И тут мы подходим к важнейшей принципиальной позиции Шоню.

«Историк числа», как его иногда называли, Шоню, по-прежнему придерживаясь математических методов изучения «сериальной истории», во всех своих методологических высказываниях второй половины 60-х и особенно в новейших исследованиях 70-х годов всячески подчеркивает подчиненное положение экономики; и в этом отношении его взгляды перекликаются с тем, что мы встречали в «Крестьянах Лангедока» и «Неподвижной истории» Леруа-Ладюри. Говоря об историческом развитии в конце

²⁷⁷ Ibid., p. 287.

²⁷⁸ Chaunu P. De l'histoire à la prospective, p. 372—373.

²⁷⁹ Ibid., p. 148.

²⁸⁰ Ibid., p. 153.

²⁸¹ Ibid., p. 156.

²⁸² Ibid., p. 155.

²⁸³ Ibid., p. 186.

XVII в., о переломе в 1680—1715 гг., Шоню всячески подчеркивает, что он был не только чисто европейским, но «в основном интеллектуальным. На пороге XVIII в. больше, чем когда-либо, миром движут Европа и дух (*l'esprit*)»²⁸⁴.

В одной из своих последних книг (изданной в 1974 г., написанной с невероятной быстротой — чуть ли не в полтора месяца) Шоню со всей решительностью подчеркивает подчиненную роль экономики. Психологические факторы, их взаимосвязь играют по крайней мере «не меньшую роль, чем чисто экономические... экономика в основном зависит от социального, психологического и культурного»²⁸⁵. Призывая к изучению «*mentalité*» — не совсем ясный термин, под которым понимается не только идейное развитие, но и почти все, что стоит вне материального мира²⁸⁶, — Шоню указывает, что «*la mentalité*» господствует над экономической системой, «умственное (*le mental*) господствует над способом производства гораздо сильнее, чем производство господствует над умственным»²⁸⁷. Все развитие, по его словам, «блестяще доказывает примат культурного над экономическим. Экономический рост в Японии к 1970 г. уходит своими корнями в духовные вложения (*investissements*) старой Японии, так же как промышленная революция в Европе уходит своими корнями... во времена двух церковных реформ»²⁸⁸. Мы приводили раньше высказывания Люсьена Февра, так глубоко интересовавшегося проблемами идейной истории, об огромной роли именно

²⁸⁴ *Chaunu P. Histoire, science sociale*, p. 93.

²⁸⁵ *Ibid.*, p. 203.

²⁸⁶ Понятие «*mentalité*» определяется по-разному. Так, Робер Мандру, один из пионеров в применении этого термина, определяет «*histoire mentale*» как «историю видения мира» (*vision du monde*). Более распространенным является определение как «совокупной подсознательной деятельности» (*inconscient collectif*). Ж. Дюби вкладывает в этот термин понятие о «коллективном воображении» (*imaginaire collectif*); свою последнюю книгу он назвал: «*Immaginaire du féodalisme*». Наконец есть еще одно определение: «сила инерции ментальных структур» (см.: *Vovelle V. Drolés de mentalités*. — *Humanité*, 1979, 20 juin). Некоторые антимарксисты считают только «ментальную историю» подлинно научной историей. Однако историей «*mentalité*» занимаются и марксисты и такие серьезные историки, отнюдь не враждебные марксизму, как Р. Мандру.

²⁸⁷ *Ibid.*, p. 119 («*C'est la mentalité qui commande le système économique, qui commande le mode de production bien plus encore que le mode de production ne commande le mental*»).

²⁸⁸ *Ibid.*, p. 11).

экономики. Положения, выдвинутые П. Шоню, означают, на наш взгляд, резкий отход от позиций, которые занимали основатели «*Анналов*», отказ от всех научных достижений в понимании роли экономики в мировом историческом процессе.

Шоню считает, что перед «серийной историей» встали сейчас совершенно новые задачи: «Притязания серийной истории давно превзошли то, что было легче всего достижимо — производство, обмен, все, что поддавалось подсчету. Историческая демография лежит в основе новых притязаний истории сегодняшнего дня»²⁸⁹. Сейчас происходит переход к «серийной религиозной истории, к истории поведения в жизни, к истории брачной пары — основной, самой главной базы общения, к истории любви, жизни и смерти»²⁹⁰. Все это, по мнению Шоню, определяет новый этап в развитии «серийной истории» — на «третьем уровне»²⁹¹ (под первым уровнем — *le niveau* — он понимает чисто «экономический», под вторым — «социальный»).

Мысли Шоню во многом совпадают с теми идеями о «территории историка», которые развивал в своей книге Э. Леруа-Ладюри. Вообще сама необходимость изучения «*mentalité*» подчеркивалась не только историками из школы «*Annales*», но и рядом ученых, никогда не бывших близкими к этому направлению или с ним порвавших. Этим проблемам в той или иной мере были посвящены ценные монографии Робера Мандру²⁹², Жака Ле Гоффа²⁹³, Ми-

²⁸⁹ *Ibid.*, p. 317.

²⁹⁰ *Chaunu P. Dépassement et prospective*, p. 65

²⁹¹ *Chaunu P. Un nouveau champ pour l'histoire sérielle, le quantitatif au troisième niveau*. — In: *Mélanges Fernand Braudel*. Paris, 1972, vol. 2.

²⁹² *Mandrou R. Introduction à la France moderne. Essais de psychologie historique. 1500—1640*. Paris, 1961; *Idem. De la culture populaire aux XVII et XVIII siècles*. La Bibliothèque bleue de Troyes. Paris, 1964; *Idem. Magistrats et sorciers en France au XVII siècle*. Paris, 1968; *Idem. Pour une histoire de sensibilité*. — *Annales*, 1959, juil.—sept. Вопросы «*mentalité*» занимается и Ж. Дюби (*Duby G. Histoire des mentalités*. — In: *Histoire et ses méthodes*. *Encyclopédie de la Pléiade*. Paris, 1967). Ж. Дюби подчеркивает, однако, что история умозрений (*des mentalités*) и идеологий невозможна без очень глубокого знания экономических, политических и социальных структур» (*Aujourd'hui l'histoire*, p. 214).

²⁹³ *Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Age*. Paris, 1957; *Idem. La civilisation de l'Occident médiéval*. Paris, 1964; *Idem. Les men-*

шеля Вовелля²⁹⁴ и др. Но изучение этих проблем вовсе не требует отказа от изучения экономической истории, признания примата «mentalité» над экономической структурой, ухода с той «территории историка», на необходимость освоения которой как раз настаивали Блок, Февр и Бродель.

Почти 20 лет назад П. Шоню завершил свой большой труд «Севиля и Атлантика». Сейчас он опубликовал том, посвященный «Смерти в Париже в XVI, XVII и XVIII столетиях»²⁹⁵. В это же самое время Фернан Бродель завершил свою «Материальную цивилизацию и капитализм». Расхождение в научных интересах учителя и ученика достаточно определилось.

Шоню считает, что на «третьем уровне» сериальная история, миновав «вчерашнюю» стадию экономической и социальной истории, должна заняться «основным (essentiel) — эмоциональным, ментальным, психическим»²⁹⁶. Мир находится в величайшей опасности: «Самая грозная проблема нашего времени, от чего зависит судьба человека и всего мира, — сохранится ли еще в 2000 г. вера»²⁹⁷. Кризис церкви стоит в центре всего кризиса цивилизации. Рухнет «самая древняя и самая поразительная» из всех наших структур. «За пределами христианства нет ничего»²⁹⁸. Вот почему «самый быстрый прогресс исторического сознания стал для всей нашей находящейся под угрозой системы цивилизации вопросом жизни и смерти. Жизнь и смерть в самом деле становятся всем содержанием истории»²⁹⁹.

Демографическая история приводит к выводу о необходимости сохранения семьи — «основы всей системы нашей цивилизации» (и недаром Шоню становится председателем Ассоциации университетских деятелей в защиту жизни, имеющей целью запрещение абортов). Изучение истории цивилизации, исследование на «третьем уровне» всего «основного» связано прежде и раньше всего с сохранением «веры», религии, по мнению Шоню, — главного

talités: une histoire ambiguë. — In: Faire l'histoire. Paris, 1974, vol. 3.

²⁹⁴ Vovelle M. Mourir autrefois.

²⁹⁵ Chaunu P. La Mort à Paris en XVI, XVII et XVIII siècles. Paris, 1978. 543 p.

²⁹⁶ Chaunu P. De l'histoire à la prospective, p. 73.

²⁹⁷ Ibid., p. 387.

²⁹⁸ Ibid., p. 393.

²⁹⁹ Ibid., p. 77.

богатства европейского человечества. Упадок веры вызывает у Шоню тревожное ожидание «упадка Запада», которое, по словам Леруа-Ладюри, «черной нитью» проходит и через всю его последнюю книгу, сборник его статей «Вычислительная история, сериальная история»³⁰⁰. Мы не думаем, что эти мрачные мысли Шоню разделяет большинство современных французских историков³⁰¹.

Пишущий настоящие строки полагает, что он имеет известное право высказаться о судьбах школы «Анналов». Полвека назад он с большой симпатией знакомился с первыми книжками журнала. С радостью мы читали теплые строки Люсьена Февра в 1935 г. в адрес сборника «A la lumière du marxisme». Нас глубоко огорчило известие о смерти Февра, и это сказало на всем содержании нашего некролога, — первой заметки о Февре в советской исторической литературе³⁰². Глубочайшее уважение вызывал всегда у нас Марк Блок, и это чувство только усилила его трагическая гибель. Тем большее огорчение вызывают «новые», а по существу глубоко старые идеи, так часто развиваемые сейчас в «Анналах».

В предисловии к книге Ж. Лефевра «Директория» А. Собуль в подтверждение понятия закономерности истории недавно привел слова Токвиля: «Не случайно аристократии рождаются и исчезают; как и все... они подчиняются определенным законам, которые, как можно все же надеяться, будут открыты». «Отказ от этой постоянной линии нашей классической историографии, — пишет А. Собуль, — ...это не прогресс в нашем историческом ремесле, а отступление и капитуляция»³⁰³. Эти слова, по нашему глубокому убеждению, целиком применимы к тому направлению, которое отстаивают сейчас представители «третьего поколения» «Анналов»³⁰⁴.

³⁰⁰ Chaunu P. Histoire quantitative, histoire sérielle. Paris, 1978. См. рец.: Le Roy Ladurie E. Pierre Chaunu, cet historien de la très longue durée. — Le Monde, 1978, 24 nov.

³⁰¹ См.: Адо А. В., Смирнов В. П. Послевоенная французская историография нового и новейшего времени. — Новая и новейшая история, 1977, № 6.

³⁰² Вестник истории мировой культуры, № 1 (подпись — В. Видаль).

³⁰³ Soboul A. Avant-propos. — In: Lefebvre G. La France sous le Directoire. Paris, 1977, p. 9.

³⁰⁴ Книга уже была сдана в набор, когда мы ознакомились с интересной и содержательной книгой: Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектизма. М., 1980. В оценке этапов развития и эволюции «Анналов» наши точки зрения в основном сошлись.

Некоторые тематически связанные материалы

О Лефевре <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lfebv>

О Собуле <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#asb>

О Матьезе <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz>

О Блоке <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#MB>

О Л.Февре <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fevr>

Ж. Ле Гофф. Существовала ли французская историческая школа «Annales»?

[Http://vive-liberta.narod.ru/journal/Annales_fe-68.pdf](http://vive-liberta.narod.ru/journal/Annales_fe-68.pdf)